

Кутузова Елена

Не оставляй
меня

12+

Елена Кутузова

Не оставляй меня

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кутузова Е.

Не оставляй меня / Е. Кутузова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Мир, где благополучие страны зависит от королевской семьи. Жесткая самодисциплина впитывается с молоком матери. Ни одного грубого слова. Ни одного лишнего жеста. Ни одной неподобающей мысли... Но юная принцесса не желает становиться марионеткой. Сидеть на приемах, служить "красивой картинкой" для репортеров. Она хочет служить своей стране в ином качестве. Даже если придется отказаться от любви. Но готова ли любовь отказаться от принцессы? В оформлении обложки использованы фото со стока фотографий и изображений pixabay.

По широкому плацу, за годы утрамбованному до каменной твердости, прохаживался лейтенант. Перед ним, выстроившись в две шеренги, замерли двадцать человек в пятнистой форме зеленых оттенков.

Офицер остановился и оглядел новобранцев. Каждому заглянул в лицо, осмотрел от подбородков до высоких ботинок на шнуровке и черных баулов, стоящих у правой ноги. И вздохнул:

– И они называли вас лучшими?

Собравшиеся мало соответствовали этому званию. Форма сидела мешковато, да и сами новоиспеченные солдаты, хоть и старались держаться как положено, еще не приобрели той безупречной выправки, что отличает армейскую элиту.

– На вступительных экзаменах вы показали лучшие результаты. Но это ерунда. Уверяю вас – до итоговых тестов доживут не многие. Я об этом позабочусь. Вопросы есть? Тогда...

– Есть!

Невысокая девушка вскинула руку:

– Господин лейтенант, тела тех, кто не доживет, вернут семье?

Сдержанные смешки оставили командира безучастным. Он медленно подошел к любопытной и оглядел с ног до головы.

Маленькая, даже хрупкая. Но держится уверенно. Козырек форменной кепки закрывает половину лица, приходится наклониться, чтобы разглядеть. И попасть под прицел огромных карих глаз.

– Шаг вперед. Звание. Имя. Головной убор снять.

Девушка выполнила приказ:

– Рядовой Кара Хань.

Она уставилась на лейтенанта прямо, без капли трепета, к которому он успел привыкнуть за те несколько лет, что обучал молодежь. В глазах прыгали золотые искры, и чуть пухлые, но хорошо очерченные губы были готовы растянуться в улыбке. Лейтенант поймал себя на мысли, что пялится, как голодный малец в пубертатный период.

– Итак, Кара Хань, для начала вы вызубрите Устав. Ту часть, где говорится о внешнем виде солдата. И о допустимой косметике.

– Господин лейтенант, я не накрашена!

– Обращайтесь как положено, рядовой. Сегодня ваш первый день на службе, поэтому я спущу некоторые вольности. Но только однажды. Здесь. Сейчас. Еще одно нарушение Устава и... Вам понятно?

– Так точно!

Карие глаза уже не смеялись. Командир удовлетворенно кивнул:

– Встать в строй. Отныне ответственный за вас я, лейтенант Байю. А это значит, вы забудете, что такое спокойно спать, есть и даже ходить в туалет. Я стану вашим дневным и ночным кошмаром. Но те, кто переживет тренировки, выживет и в реальном бою. Все поняли? Вижу, поняли. У вас полтора часа, чтобы освоиться и привести себя в порядок. Нале-во! В казармы шагом марш!

Приземистое одноэтажное здание, окруженное газоном, не потерявшим яркость даже в эти жаркие дни, распахнуло двери новым жильцам. В правом крыле располагались классы, в левом – спальни.

Новобранцы шли по полутемному коридору, читая имена на табличках. По четыре на каждой двери. Находя свое, торопливо заходили, чтобы наспех познакомиться с соседями и хоть немного оглядеться в отведенное время.

Девушкам повезло – комнату пришлось делить на двоих. Больше никто из женщин не прошел строгий отбор.

– Ну, давай знакомиться. Ты – Кара Хань, я уже знаю.

Высокая светловолосая девушка протянула руку. Её ладонь была крепкая и сухая.

– А ты кто? Я видела тебя на испытаниях, – спросила Кара.

– Лу Роис. Надеюсь, мы подружимся.

Они улыбнулись друг другу и оглядели новое жилище.

Маленькая комнатуха вмещала две двухъярусные кровати, два встроенных шкафа и четыре тумбочки. Длинный подоконник, судя по придвинутым стульям, заменял рабочие столы. Вместо занавесок полагались серые жалюзи, а на потолке прижились три люминесцентные лампы.

Лу тоскливо протянула:

– Убого как. Но читать в кровати будет удобно.

И она радостно сцапала со стола светильник.

Её надежды провалились. Розеток у кроватей не было, а провода оказались слишком короткими.

– Ну вооот.

Лу разочарованно повернулась к Каре. Та, скинув куртку на крайний стул, быстро раскладывала вещи по полкам.

– Слушай, а...

– Лу, может, перестанешь из угла в угол ходить? Тебе что, делать нечего?

– Какая ты скучная! – Лу сморщила носик, чуть тронутый веснушками. – Успеется. А ты всегда такая... правильная? На плацу...

– Командир дал нам полтора часа. И я не правильная. Просто в семье жесткая дисциплина. Правда, папа считает, что мы с ней не совместимы.

– С семьей?

– С дисциплиной! Тебе помочь?

– Я сама.

Лу насупилась и принялась раскладывать вещи, но тут же отвлеклась, глядя, как соседка причёсывается перед небольшим зеркалом на двери.

– У тебя красивые волосы. И стрижка... мастер делал, сразу видно. Жалко её будет.

– Ты о чем?

– По Уставу у женщин длина волос – не ниже плеча. А у тебя до лопаток.

Кара отложила расческу и залезла в сумку. Достала ножницы:

– Режь.

Лу опешила. Портить такую красоту!

– С ума сошла? Да я и не умею!

– Отрезать по прямой линии сможет любой. Даже ты. И скорее, а то еще один нагоняй получу.

– Жааалко... Какие густые! Ножницы не берут!

Лу радостно попыталась отвертеться.

– Режь!

Кара мужественно терпела все время, пока новоявленная подруга пыталась привести причёску в порядок. Наконец, Лу удалось подровнять кончики, и Кара тут же стянула волосы в хвост.

– Теперь правильно?

Лу не ответила. Отвернулась, разбирая вещи. Разговаривать с варваром ей не хотелось.

Кара собрала рассыпавшиеся по полу пряди, смела в корзину.

– Пойду узнаю, как тут насчет душа. Надеюсь, отдельный.

Надежды не сбылись. Вдоль кафельных стен тянулись изогнутые трубки с лейками на концах. Напротив выстроились умывальники.

– Ну, как тебе? Позовешь спинку потереть?

Кара смерила зубоскала взглядом и постаралась не сильно хлопнуть дверью. Пылая от возмущения, она мчалась по коридору, и, не рассчитав силы, буквально впечаталась в лейтенанта.

– Рядовой Хань!

Кара вытянулась, очень стараясь изобразить стойку "смирно". Её потуги насмешили командира. Он, проследив траекторию её движения, вздохнул:

– Вы и рядовой Роис можете пользоваться офицерским душем. Там замок. Ступайте. Стоп. Чтобы в следующий раз ноги не опережали голову – наряд вне очереди. Плац – ваш.

– Есть! Разрешите идти?

Каре хотелось как следует заехать кулаком в стену. Закричать. Запустить в лейтенанта чем-нибудь тяжелым. Вместо этого она послушно пошла в свою комнату.

– Хорошие новости, Лу! Нам разрешили пользоваться офицерской душевой. Иначе не знаю, как бы мы обошлись. В общей даже занавесок нет!

Громкая команда эхом пронеслась по коридору, заглядывая в комнаты. Новобранцы кинулись к плацу, на бегу поправляя кепи, застегивая форменные куртки. В назначенное время уложились не все.

Лейтенант скептически оглядел опоздавших и произнес:

– Сегодня – один за всех. А поблажки закончились. Упор лежачий!

Двадцать человек отжимались под ровный счет.

– Тридцать семь... тридцать восемь... Десять... одиннадцать...

Стон, смешанный с хриплым дыханием, долетел до командира. Тот оглядел вспотевших подчиненных:

– Чем-то недовольны? Пять, шесть... Смирно!

Покачивающиеся люди мало напоминали солдат. Лейтенант вздохнул:

– Первая шеренга, два шага вперед, маааа-рш!

Они двинулись и остановились. Командир даже не поморщился, слушая, как вразной ударяют о землю подошвы.

– Рядовые Люц Айр, Эйс Урм – выйти из строя.

Старательно печатая шаг, названные выполнили приказ.

– Круууу-гом! Первая шеренга – первое отделение. Командир – рядовой второго класса Люц Айр. Второе отделение, ваш командир Эйс Урм.

Вместе с назначением лейтенант вручил новые погоны. На темных квадратах серебрились тонкие полоски.

– Занять свои места.

Повышенные в звании встали во главе вверенных шеренг.

– Расписание будет вывешено на стенде у входа в казарму. Надеюсь, все найдут время ознакомиться. А сейчас, командиры – ведите свои отделения обедать. После – оба ко мне за указаниями.

Король сидел за простым рабочим столом. Напротив, с папкой в руках, замер секретарь. Он получил указания для дальнейшей работы и готовился уходить.

– И передай, что как только принц вернется – я его жду.

– Да, ваше величество.

Принц явился почти сразу.

– Я думал, тебя дома нет.

– Минут через пятнадцать уже не было бы. Что-то случилось? Ты редко вызываешь в середине рабочего дня.

– Да?

Король встал из-за стола и пересел в широкое кресло. Жестом велел сыну занять второе, напротив.

– Ты знаешь, где твоя сестра?

Молодой человек замялся.

– Ну... В университете?

– Уверен? А мне сообщили, что Её Высочество Адель ас Кармина, принцесса Логская, из правящего дома Риас, изволила взять академический отпуск сроком на год с возможностью продления. Как это объяснить?

Принц потупил взгляд.

– Так где она? Что опять учудила?

– Пап, ты не волнуйся...

Король, зная характер дочери, насторожился:

– Мне уже не нравится... Зачем Дели отпуск взяла?

– Решила в армии послужить.

– Что?

Привыкший оставаться невозмутимым в любой ситуации король вскочил.

– Вы рехнулись? Оба? Ладно эта бешеная, но ты чем думал? Принцесса правящей династии, вторая в очереди на престол – и в армии?

– И что? Женщины тоже служат. Почему Дели нельзя?

– Потому что она – прин-цес-са! Немедленно верни её!

– Пап, думаешь, это хорошая идея?

– Что? – Король возмущенно уставился на сына. – Что ты сейчас сказал? Плохая идея? Есть другие?

– Оставить Делю в покое. Пап, ты же её знаешь – запрети, и она наизнанку вывернется, а своего добьется. Пусть уж хлебнет полной ложкой. Может, ответственной станет...

– А если узнают?

– Ну и что? Всегда можно преподнести это в выгодном свете. И к славе династии. Сын окончил Военную Академию. Дочь тоже отдает долг Родине в рядах вооруженных сил...

– А выдержит? Все же армия.

– У Дели хорошая подготовка. Она справится. А если нет... У неё документы на другое имя. Отзовем тихонько, без лишнего шума.

– Ладно. Возможно, ты прав. Кто еще об этом знает?

– Я, мой секретарь, ну и теперь вы.

– Не ёрничай. И посвети во все Тхирака. Пусть он держит руку на пульсе.

– Не доверяешь?

– Перестраховываюсь, – король встал. – Ступай, у тебя тоже дел много. И передай матери, что вечером я хочу суп из моллюсков.

– Да, отец.

Пожилой мужчина долго смотрел на закрывшуюся дверь. Дети, хоть и проказничали иной раз сверх меры, никогда не подводили. Нет причин для беспокойства. Но все же, как там его Дели, его кроха... Вздыхнув, король вернулся за стол и погрузился в работу.

Физическая подготовка сменялась строевой муштрой. Лу и Каре поблажек не полагалось. Они наравне с мужчинами бегали кросс, отжимались и крутились на перекладине. Разве что шуток в их сторону отпускалось больше.

Тренировки разбавлялись теоретическими занятиями. Звания, Устав, структура вооруженных сил Королевства... Толстые тетради заполнялись схемами, в учебниках появлялись карандашные пометки. В недолгие часы отдыха хотелось кинуться на кровать и хоть ненадолго отключиться, но тут курсантов подстерегала еще одна напасть – наряды вне очереди.

Каре, которая так и не научилась сдерживать язык, доставалось больше всех. Она то плакала, то на кухне помогала. Осторожная Лу только головой качала:

– Ну что ты как маленькая! Так сложно промолчать?

– Не могу. Не получается. Стоит его услышать...

– Командирская доля у него такая – нас тиранить. Эй, тебе что, марш-броска мало?

Кара промолчала. Она отжималась. Каждый вечер, независимо от самочувствия. Останавливалась, только когда пот пропитывал футболку. Тогда она брала полотенце и шла в душ.

Лу, смущенная таким рвением, поначалу тоже начала заниматься, но пыл быстро угас. Чтобы не портить настроение видом занимающейся Кары, она уходила в гости в соседнюю комнату. Там её ждали:

– Лу, скажи честно – ты тайная дочка короля? Вон, и фамилия...

– Ну... – кокетничала девушка, – я Роис, а не Риас...

Успехом у парней обе пользовались одинаково – сказывался дефицит женского общества. Правда, помогать в повседневных делах мужчины не спешили. Спокойно захлопывали дверь перед носом, смотрели, как подружки тягают ведра, полные воды, а уж руку на лестнице подать...

– Исчезли нынче галантные кавалеры...

Лу, закончив драить пол, кинула тряпку в ведро. Мимо, кивнув в знак приветствия, топтали двое сослуживцев. Девушка грустно посмотрела на цепочку грязных следов.

– Ну, и что с ними делать?

– Наплевать. Или бросить учебу. Мы для них не женщины. Кавалеров надо в других местах искать. И в другой одежде.

Лу вздохнула. Зеленые футболки и пятнистые штаны стали привычным нарядом. Из украшений – металлический жетон с именем и группой крови.

– Скорей бы присяга... Хотя в увольнительную пойти. На нормальных парней посмотреть...

– Только посмотреть?

Кара ткнула подругу пальцем в бок, отчего та взвизгнула.

– Разумеется! Ты за кого меня принимаешь?

– Поверь, наши с тобой приятели тоже только об увольнительной и мечтают!

Лу рассмеялась:

– А ведь и правда! Все разговоры – только о ней. Но доживут немногие...

– Надеюсь, я к тому времени не паду смертью храбрых в неравной борьбе... – Кара со вздохом посмотрела в окно, на плац.

– Язык за зубами держи, и все получится!

– Если бы! Еще нужно во время кросса выжить и на турнике не повеситься!

Кросс и турник с первого дня стали кошмаром новобранцев. Первое, что делал взвод после утреннего построения – бежал. В дождь, жару, по сухой земле или выдирая ноги из жирно чавкающей жижи... Лейтенант всегда выбирал новый маршрут, так что привыкнуть не получалось.

– Бегите! Если выдержите до присяги – с тоской вспомните эти моменты!

Справедливости ради – лейтенант всегда преодолевал маршрут вместе с подчиненными. А потом подавал пример на турнике, кувыркался так, что цирковые акробаты могли побледнеть от зависти. Но сколько раз он мог подтянуться, не знал никто. Поначалу в казарме даже пари заключали. Ставка так и повисла – командир отбил желание спрашивать первого же любопытному.

– На турник – марш!

И сам взялся за перекладину.

После двадцати восьми подтягиваний новобранец сдулся. Лейтенант подтянулся еще пару раз и прыгнул. Его грудь ровно вздымалась, только футболка слегка потемнела от пота.

– Кросс побежим?

Желающих сдавать внеплановый норматив не нашлось. И вопрос о физических возможностях командира навечно повис в воздухе.

Нагрузка росла тем сильнее, чем ближе становился долгожданный день. Дисциплина подтянулась, и на плацу взвод все больше походил на военное соединение.

Но Кара никак не могла заставить себя уgomониться. И лейтенант позволил себе не слишком корректную шутку:

– Похоже, так и пройдет твоя служба – в обнимку с метлой... Не видать тебе Гвардии.

– Кое-кому – тоже. Я тут без чужой помощи. А некоторые и с протекцией в сторону Гвардии только смотреть и могут...

Лейтенант побледнел. Но, вместо того, чтобы вкатить Каре очередной "вне очереди", резко развернулся и скрылся в казарме.

– Зря ты так, – Лу грустно посмотрела в след командиру. – Такого он точно не заслуживает.

– Я тоже. Посмотри сама – разве я тут хуже всех? А как снайперу здесь мне вообще равных нет. Почему со мной так? Что я ему сделала?

– Жалишь больно. Карочка, милая, ну будь... поумнее, что ли? Он все-таки начальник, от него наши судьбы зависят.

– И сильно? Вот твоя, например. Ты что, серьезно рвешься в Гвардию? Оно тебе надо? Лу, я же знаю – выскочишь замуж и пошлешь армию куда подальше!

– Не скажи. Я телохранителем хочу стать. Хорошим. И дослужиться до... генерала!

Кара крикнула от такого откровения. И рассмеялась, ничуть не поверив подруге.

– Запросы, однако!

– Ну, а ты? Ты о чем мечтаешь? Только о винтовке своей и говоришь...

– Потому и говорю, что в планах – только она. Я снайпер, Лу. Понимаешь? И хороший. А этот... – Кара мотнула головой в сторону казармы, – меня плац мести заставляет. Каждый день. А случись что – метла мало поможет.

Девушка с ненавистью посмотрела на орудие труда, но не бросила, а продолжила методично убирать плац.

– Эй, девочки! Новость слышали?

К подругам подошел Рик.

– Говорят, на нашу присягу сам Его Высочество Наследный Принц пожалует. Ну? Что скажете? Заколотились сердечки?

– Он женат! – хором ответили девушки и переглянулись.

Веселый хохот заглушил дальнейшие слова Рика. Тот вздохнул:

– Да ну вас!

И умчался разносить новость дальше.

– Тебе тоже фан-клуб принца побоку?

– С женатыми не кручу. А ты чего? – Кара даже мести перестала, ожидая ответа.

– А я ставлю перед собой реальные цели. Наследник для меня слишком высокая планка. Ну, пока генералом не стала, – Лу хохотнула. – А вот о сыне министра подумываю. В крайнем случае, сойдет и наследник полковника лейб-гвардии.

– Уууууу.... – Кара присвистнула. – Так вот о чем ты думаешь, пока кросс бежишь. А то я думаю – чего это наша Лу поближе к командиру держится? Хорошо, что предупредила, постараюсь держаться от него подальше.

– Тоже мне – соперница, – фыркнула Лу. – За вами двумя глаз да глаз нужен, того и гляди до смертоубийства дойдет. Надеюсь, он тебя первую прихлопнет.

– Ну, спасибо, подруга.

– Нет, а чего ты удивляешься? Мне что, во вдовах раньше времени ходить? Хотя, пожалуй, присмотрю еще кого, про запас. У лейтенанта должность нервная, а он совсем не бережется...

– Прямо-таки горит на работе! Ой, Лу, смотри – позавидую. Из ненависти-то знаешь, какая любовь рождается? Обжечься можно!

– Вот и держись подальше, а то шкурка запузырится. Подметаю вон лучше, или снова наряд схлопочешь.

– Не схлопочу, если кое-кто под ногами путаться не будет...

– Как скажешь! Пойти позаниматься? Командир грозился, что за каждый "неуд" дополнительный круг бежать. Всему отделению.

Кара посмотрела вслед разобиженной подруги.

Сама она за теорию не беспокоилась – хорошая память помогала усвоить информацию во время лекций. После достаточно было бегло просмотреть записи.

Отведенные на предварительную подготовку три месяца, наконец, закончились. Как и предрекал лейтенант, выдержали не все. Из первого отделения отчислили двоих, второе покинул один, по состоянию здоровья.

Остальные, нагладив форму, выстроились на плацу. Волнение ощущалось даже в воздухе – после присяги новобранцы получают заветные шевроны курсантов. А главное – долгожданную карточку. Двухдневная увольнительная! Достаточно, чтобы навестить родителей, сверкнуть парадной формой перед девушками и покутить в любимом баре. Несильно – дисциплина в Академии железная. Вылететь можно прежде, чем поймешь – за что. Но пути-дороги выпускников ждут феерические: от отряда специального, куда входят лучшие, до лейб-гвардейского полка, часть офицеров которого станут личными телохранителями для королевской семьи.

Командир с удовольствием осматривал строй. Его усилия не пропали даром – толпа новобранцев исчезла. Вместо них на плацу замерли курсанты. Конечно, до настоящих воинов им далеко, но и обучение пока не начиналось.

– Поздравляю! Можете собой гордиться! Скоро вы поймете: все, что узнали, чему научились – меньше капли в океане. Но это завтра. Сейчас же насладитесь новым днем, а для начала – не опозорьте себя, меня и Академию!

– Так точно! – громохнул строй.

– Не слышу!

– Так точно! – взметнулось к безоблачному небу эхо.

Лейтенант кивнул. Из некоторых будет толк. Другие... Взгляд задержался на вытянувшейся в строй Каре. Чтобы не испортить настроение, командир отвернулся – сегодня и без этой язвы волнений хватает.

В ворота въехал кортеж и, обогнув здание казармы, остановился возле плаца. Лейтенант быстро занял свое место, и едва нога первого из приехавших пересекла границу площадки, скомандовал:

– Смирно!

И, чеканя шаг, подошел к молодому человеку в капитанской форме лейб-гвардейского полка:

– Господин капитан! Учебный взвод для принесения курсантской присяги построен!

Тот отсалютовал в ответ и улыбнулся. Его взгляд пробежал по замершим на плацу новобранцам.

– Смотрю, в этом году и девушки есть?

– Так точно! Рядовые Лу Роис и Кара Хань показали отличные результаты при отборе, обойдя других претендентов.

– Надеюсь, они и дальше не подведут.

Из шеренги, старательно, как учили, вышел курсант. Отсалютовал и раскрыл красную с золотым тиснением папку. Над притихшей Академией зазвучала Клятва. Вздыхая слаженно повторял зазубренные слова, а под конец дружно опустил на правое колено – как и положено при принесении присяги в присутствии члена королевского дома.

– Благодарю вас! – голос наследного принца легко заполнил плац. – Надеюсь, ничто не помешает вам сдержать данное слово, и мы будем гордиться вами. Поздравляю, господа курсанты!

Строй качнулся, салютуя в ответ.

Принц козырнул, четко развернулся кругом и направился к машине.

Лейтенант смотрел ему вслед, пока не захлопнулась черная блестящая дверь. И только некоторые курсанты заметили во взгляде своего командира звериную тоску.

– Вольно! Разойдись!

Ради праздника в увольнение отпустили всех, даже штрафников. Но ни один из парней, отвешивающих комплименты подругам, не пригласил их на свидание.

– И кто они после этого?

Лу кипятилась, перебирая гардероб.

– Кара, скажи, что лучше надеть – блузку с брюками или вот этот комплект?

– Оба варианта нравятся.

– Ну нет. От штанов я и тут устала. Юбочку хочу. А ты? В чем пойдешь? С ума сошла? Хоть украшение надень. Вот, эти бусы к водолазке подходят.

Кара улыбалась, глядя, как суетится подруга. Вышли вместе, отметившись на пропускном пункте.

– Ты куда сейчас?

– Родителей навестить надо. А ты?

– Я тоже сперва домой. До вечера!

И девушки разошлись.

В небольшом кафе сидели двое. Они не скрывались, да и не нужно было – только очень предвзятый взгляд мог опознать в молодом человеке наследного принца, каким его привыкли видеть по телевизору и на фотографиях. Девушка и вовсе не беспокоилась – последние шесть лет она провела за границей, в закрытом учебном заведении, приезжая домой только на каникулы. У журналистов были лишь статьи да куча фотографий улыбающейся девчонки с косичками.

– Деля, ты понимаешь, что натворила? Отец будет в ярости.

– Ему придется принять это. Я не отступлюсь.

– Но два года! Ладно армия, оттуда можно было вытащить тебя в любой момент, но Королевская Академия! Представляешь, что будет, если станет известно?

Принцесса пожала плечами:

– Ну, узнают. Всегда можно наплести о патриотизме. Журналисты любят такие истории. Еще и рейтинг поднимется.

– Зачем тебе это? – рука мужчины нежно накрыла женскую. – Там нагрузки нечеловеческие, да и дисциплина... Ты ведь никогда с ней не ладила.

– Так может, пора начинать? Выросла уже.

– Вот именно. Должна понимать...

– Я понимаю, братишка. Теперь скажи, что меня ждет впереди? Престижная профессия и диплом в рамке на стене, как память? А мне найдут подходящего мужа. И я всю свою жизнь буду играть роль примерной жены и матери, стараясь, чтобы никто не догадался о настоящих чувствах. Веселая перспектива, да?

– Тогда чего ты хочешь? Скажи, я помогу.

– Я не скрываю. После Академии сдам экзамен на профпригодность. А потом возглавлю королевский отряд телохранителей. Согласись, что в идеале командовать им должен член семьи.

– В идеале... – принц усмехнулся. – Ты совсем не изменилась. Вечно эти твои прожекты.

– Так сможешь?

– Да куда я денусь? Тебе мороженого заказать? – принц жестом подозвал официантку. – Два клубничных, пожалуйста. С шоколадом.

Принцесса облизнулась, когда перед ней поставили креманку.

– Деля, ты родителей-то наведишь?

– Очень хочу, но нельзя. Думаешь, меня из дворца выпустят, если отец правду узнает?

Да и репортеры...

– И как?

– Ну, брааатик, ну пожааааалуйста! – принцесса скорчила умильную гримасу.

Принц вздохнул:

– Хорошо. Я уговорю отца. Но прошения у него сама потом просить будешь!

– Я тебя люблю! – Адель послала брату воздушный поцелуй и, забыв обо всем, запустила ложку в розовый холодный шарик.

Два дня свободы пролетели непростительно быстро. Огорошенные таким вывертом времени, курсанты торопились к воротам Академии: лейтенант обещал спустить шкуру с любого, кто опоздает, невзирая на причины. В вопросах дисциплины он был неумолим.

И на вечернем построении увидел все: помятые лица тех, кто перебрал вчера; слишком блестящие глаза и кривые усмешки веселившихся сегодня.

– Прекрасно! Ну, сами напросились! Напрррра-во! Бегом марш!

Оба отделения нарезали круг за кругом вокруг плаца. Кара бежала легко, за два дня она успела отоспаться, а вот Лу пришлось нелегко.

– Вот гад! Чтоб его приподняло да приложило...

– Сама же говорила: работа у него такая, нас гонять, – хмыкнула Кара и посоветовала: – Не сбивай дыхание.

Лу замолчала, но по лицу видно было, что монолог продолжается.

На счастье, душ оказался свободным. Девушки быстро смыли пот и пыль и с блаженными вздохами растянулись на кроватях:

– Ты чем занималась? – зевнула Лу.

– Да так. Спала. По магазинам ходила...

– И все? – удивилась Лу. – А что купила?

– Не поверишь – ничего! – рассмеялась Кара. – А ты как выходные провела?

– О! – мечтательно закатила глаза Лу. – Это было незабываемо! Впервые согласилась на свидание вслепую.

– И как? – заинтересовалась Кара. – Понравилось?

– Оно того стоит! – снова зевнула Лу и тут же оживилась. – А хочешь в следующий раз со мной?

– Может быть, – задумчиво протянула Кара. – А теперь давай спать. Я все силы на этой дорожке оставила. Монстр какой-то, а не отец-командир.

И услышала сонный смешок Лу.

Лейтенант говорил правду – дни до присяги казались теперь очень спокойными и легкими.

– Я сдохну на этой чертовой дорожке! – Лу нависла над умывальником, упираясь в него двумя руками. Казенное зеркало на стене отразило покрасневшее лицо, мокрое от пота. – Хотя нет. Не дождется лейтенант от меня такой радости! Я сначала его самого грохну!

– Так что, – Кара довольно фыркала, подставив голову прямо под струю холодной воды, – мне не к свадьбе, а к похоронам готовиться?

– Иди ты! – толкнула её в плечо Лу и утащила полотенце – свое она, по обыкновению, оставила в комнате. – Что, думаешь, кого другого не найду? Так что не бойся – попляшем еще!

– Если с голоду не окочуримся! Лу, верни полотенце, а то на завтрак опоздаем!

В столовую теперь ходили не просто строем – шли в ногу, как на параде, да еще пели. Наличие слуха не требовалось, но вот вид на марше требовалось иметь залихватский:

– Вы – гордость Королевской армии! Ну, те из вас, кто выдержит экзамен. Но до тех пор ни один из вас не смеет своим видом бросить даже тень на Академию! – не уставал повторять лейтенант, и курсанты, скорчив «суровые» мины, старательно чеканили шаг.

Лу с трудом сдерживала смех – ей, несколько лет положившей на занятия музыкой, такое пение казалось сродни ударам палкой по крышкам кастрюль:

– Ну, сама посуди, – жаловалась она подруге, – какое же это пение? Рожу кирпичом и знай топай погромче и ори в такт...

– То есть чувства ритма ты не отрицаешь? – посмеивалась Кара, которой подобное тоже удовольствия не доставляло.

– Какой уж тут ритм... – вздыхала Лу, и старательно выполняла команды.

Лейтенант спуску не давал – каждый шаг чуть не с линейкой вымерял. А потом просто растянул на плацу рулетку, и начал гонять по одному, по двое, отбивая ритм ладошами. За временем не следил:

– Вы будете заниматься строевой до тех пор, пока с вами не стыдно будет на параде мимо его величества пройти!

И мучения курсантов продолжались. Иной раз лейтенант лишал их и личного времени. Всего час, но, как оказалось, значил он очень много.

Курсанты не успевали ни сами письма написать, ни весточки из дома прочитать – звонки разрешались только по выходным дням, в строго отведенные часы. Лу это ограничение злило куда больше, чем остальные лишения:

– Нет, ну ты представляешь? Я даже родителям позвонить не могу! Не то что подругам.

Кара только посмеивалась да отшучивалась, когда подруга интересовалась, почему ей родители не пишут:

– А чего писать? Жива, здорова, да и ладно. Лу, у меня отец в длительной командировке, мама с ним поехала. Письма долго идут, так что позвонить проще.

– Бедная! – тут же забывала о собственных горестях Лу. – Я своих хоть в увольнительных вижу!

Но и этих дней становилось все меньше. Лейтенант зверствовал – лишал выходных за малейшие провинности.

Плохо убранная комната. Недостаточно тщательно выметенный плац. Нечеткие повороты на строевой, неровный марш:

– Я должен слышать один удар, когда вы ноги на землю опускаете. Один! А не десяток разрозненных! Еще раз!

Но, как он ни ругался, сам, как и прежде, от занятий не отлынивал: шагал, пел, замирал «на караул» вместе со своими подопечными. И только убедившись, что курсанты поняли, что именно от них хотят, требовал исполнения. Но всегда – безукоризненного.

За это его ненавидели.

– В соседнем отряде так не издеваются! Строевая строевой, но личного времени не лишают, да и увольнительных тоже. Можно подумать, их из его кармана оплачивают!

– Да в лейб-гвардию не взяли, вот и зверствует... другим туда дорогу перекрывает.

Кара на все эти заявления молчала. Та реплика про протекцию, когда командир впервые не нашелся, что ответить, оказалась единственной на эту тему. Девушка не говорила об этом ни прилюдно, ни наедине с Лу:

– Это как острой палочкой в ране ковыряться. Без меня, пожалуйста.

Но сам лейтенант то ли не знал об этом, то ли не оценил. Каре, как и прежде, больше всех доставалось. И окриков, и нарядов. Только теперь они плацем не ограничивались. Девушка то в столовой работала, то в прачечной. Но чаще – замирала без движения у «позорного столба» – так называли особый пост у въезда в Академию. Единственное место для дежурного, не защищенное ни от солнца, ни от ветра, ни от дождя. И стоять следовало, как у входа в парадную залу королевского дворца: навтыжку, не шевелясь, даже моргать рекомендовалось через раз, а то и через два. Церемониальное ружье оттягивало руку, и только раз в два часа разрешалось сделать особые приемы с оружием для разминки. И не приведи судьба ошибиться хоть в одном!

Но раз за разом движения становились все увереннее. Ружье уже не казалось таким неподъемным, да и упражнения давались легче. Лу, которую тоже время от времени отправляли на этот пост, не скрывала зависти:

– Видела бы ты себя со стороны! Стоишь, прямая, как кипарис, а ружье, словно бабочка порхает! Ощущение, что рук и не касается, само все делает!

– Если на задании оно еще и стрелять без моего участия будет... – бурчала Кара, разминая затекшие мышцы.

Остальные, вымотанные ежедневной муштрой, с ней соглашались.

Недовольство зрело исподволь, кто-то из отряда молча переносил самодурство лейтенанта, кто-то, как Кара, тихо бурчал, не принимая никаких попыток изменить происходящее. Но некоторые набирались смелости высказать все командиру в лицо. Вместо объяснений лейтенант привычно назначал наряды. Но руку на пульсе событий держал.

И, когда бунт практически назрел, он выстроил подчиненных на плацу.

Осень уже сорвала с деревьев всю листву, и ветер трепал застегнутую на все пуговицы и молнии форменную одежду курсантов. Сами они ёжились под его ударами, шмыгали покрасневшими носами, но старательно тянулись, выполняя команду «смирно». Лейтенант ходил вдоль строя, подмечая все огрехи.

Досталось всем. Высказав, что он думает о выправке отряда, приказал:

– Упор лежа принять!

И начались бесконечные отжимания, которые сменились бегом вокруг плаца. Сам командир, против обыкновения, к подчиненным не присоединился. Стоял в центре площадки и покрикивал:

– Ану, выпрямились! Что вы как столетние деды горбитесь! И ноги волочете точно так же!

Курсанты старались, но, наконец, их силы закончились. Бегущие сначала замедлились, а потом стали падать. Один, другой... Лу покатила по жесткой земле третьей. Кара сумела продержаться до команды:

– Отряд! Стройся! Смирно!

Курсанты даже не подумали выполнять. Они просто старались удержаться на ногах. Кару шатало, но никто из мужчин и не попытался поддержать девушку, сами едва с ног не валились.

– Бананы в уши вставили? Была команда «смирно»!

Кое-кто попытался выпрямиться. Лу, которую качало, словно не по земле шла, а по палубе попавшего в шторм корабля, добралась до отряда и встала в строй. Пот заливал глаза, в легких словно костер разожгли.

– Ты как? – выплюнула она в сторону подруги, стараясь не задохнуться окончательно. – Кара... Кара? Что с тобой?

Лейтенант обжег взглядом сначала крикунью, потом стоящую рядом девушку. И, выругавшись, кинулся к строю. Звук пощечины выстрелом прозвучал в сумеречной тишине.

Кара вздрогнула. Медленно подняла руку и провела по пылающей щеке. Понимание, что ударили именно её, пришло не сразу. Но мир снова обрел очертания, и вернулась способность думать.

Кто-то схватил за плечи и с силой тряхнул:

– Курсант-рядовой Кара Хань! Внимание на меня!

Девушка с трудом сфокусировала взгляд на говорящем. Лейтенант?

– Ты меня слышишь? Стоять можешь?

Она кивнула.

– Курсант-рядовой, почему ты не остановилась, когда тебе стало нехорошо? Почему продолжала бежать?

– Приказа остановиться не было...

Лейтенант отступил и обратился к остальным:

– Встать в строй!

Курсанты, которых происшедшее заставило нарушить приказ, тут же вернулись на место. Они почти восстановили дыхание, и только блуждающий взгляд Кары напоминал о пробежке.

– Курсант Кара Хань, выйти из строя. Можете сесть.

Девушка упрямо мотнула головой и не двинулась с места.

Лейтенант прошелся вдоль отряда, не сводя с неё глаз. Говорил тихо, так что все замерли, боясь пропустить хоть слово:

– Вы жаловались на муштру, на бестолковое повторение одних и тех же команд. На подготовку, которая, как вам кажется, не имеет смысла. Но вам именно что кажется! Те из вас, кто попадет в лейб-гвардию, будет сопровождать его величество везде и всюду, даже во внутренних покоях дворца. И на выездах, когда на свиту короля будут устремлены взгляды всего мира. Но, кроме того, именно на вас будет возложена функция встречи высоких гостей. Один неправильный жест, движение глаз, улыбка – в таких случаях все имеет значение. Все это должно стать для вас столь же привычно, как дыхание. И это не просто красивые слова!

Вы – солдаты прежде всего. А дело солдата – выполнять приказы. Те из вас, кто доберется до выпуска, станут офицерами. Но прежде, чем командовать, надо научиться подчиняться, только тогда вы сумеете действовать правильно и быстро. И вся эта муштра направлена еще и на то, чтобы научить вас не задавать вопросов. Тем, кто будет рядом с королевской семьей, это особенно важно. Курсант Кара Хань, кажется, это поняла. На сегодня все. Разойдись! Курсант Лу Роис, присмотрите за подругой. Если ей будет нехорошо, проводите в лазарет.

– Так точно! – отчеканила Лу, но как только лейтенант отошел, прошипела: – Придурок.

Кара шла к казарме сама. Лу держалась рядом, готовая подставить руку.

– Ты что, на самом деле поняла смысл этой муштры? Все ради выполнения приказа? Ты сдохнуть там хотела только из-за того, что этот придурок приказал бежать?

– Я похожа на идиотку? – ухмылка искривила бледные губы девушки. – Я просто не хотела схлопотать очередной наряд. Драить туалеты вне очереди то еще удовольствие.

– Ну ты даешь! – расхохоталась Лу и тут же осеклась – шуметь в казарме строго воспрещалось.

– Слушай, – лежа в темноте, Лу все никак не могла уснуть, встревоженная случившимся на пробежке, – если служба в лейб-гвардии заключается только в том, чтобы носок тянуть... понимаю, почему лейтенант туда рвется... Не пыльная работенка... Эй, ты что, уже спишь?

Кара не ответила. Лу прислушалась к ровному дыханию подруги и тоже закрыла глаза. Обе устали настолько, что до побудки ни разу даже не повернулись, устраиваясь поудобнее.

Но едва из динамиков зазвучал утренний сигнал, девушки подскочили, словно и не засыпали вовсе.

Лейтенант Байю прошелся вдоль строя. Раз, другой. Дождинки оседали на полиэтиленовом капюшоне, ручейками скатывались вниз и падали на высокие ботинки. Курсанты затаили дыхание, лихорадочно стараясь понять, что же ему не понравится на этот раз. И, когда он просто отдал приказ начать движение, вздох облегчения казался материальным. Дождь, пусть и сильный, казался такой ерундой по сравнению с командиром.

Пробежка. Завтрак. Полчаса, чтобы привести себя в порядок и добраться до аудиторий. Косой дождь стучал в окна, ветер завывал, стараясь найти вход в здание, и курсантам совсем не хотелось думать о тех, кто сегодня остался на улице.

– Ты знала? – Лу пытливо смотрела на подругу.

– Что – знала? – удивилась Кара. Она даже учебники раскладывать прекратила.

– О том, что сегодня будет такая непогода. Потому и бежала, как от смерти? Сегодня кто-то другой на твоём посту ружьём крутит!

– Да ну тебя! – Кара собиралась ещё что-то сказать, но дверь в аудиторию открылась, пропуская преподавателя. Курсанты замерли возле парт.

Пожилого майора в Академии любили. Он не прессовал курсантов, всегда был готов прийти на помощь... но спуску не давал.

– Дежурный, отметьте отсутствующих, – он привычно положил папку с лекциями на стол, – доклада не надо, садитесь.

Ещё на первом уроке он заявил, что дисциплина – вещь очень нужная, но вбивать её курсантам в головы будут другие. Его дело – подготовить учеников в другой сфере. Поэтому он накажет тех, кто решится прогулять урок или не сможет ответить, но его предмет – политическая география, а не строевая подготовка.

На его уроках редко стояла тишина. Во время лекции – да, но стоило майору закончить, как в аудитории поднимался гул. Чем больше вопросов задавали, тем довольнее казался преподаватель. А если спросивший сам находил ответ, используя легкие подсказки, майор просто светился от счастья.

– Лу, ты заметила? Одним губами прошептала Кара.

– Что? – Лу старательно записывала за преподавателем, боясь упустить хоть слово.

– Он учит нас совершенно не тому, чему лейтенант!

– Ну да. Один по плацу гоняет, другой...

– Курсанты-рядовые Лу Роис и Кара Хань! Вам что-то непонятно? – прервал лекцию майор.

Девушки вскочили. В тишине класса громко хлопнули крышки парт.

– Никак нет! – звонко прозвучал дуэт подруг.

– В таком случае... ещё одно замечание, и записка отправится прямо к вашему куратору, – майор сделал пометку в блокноте. – Садитесь.

Лу скорчила в сторону Кары страшную рожицу. Подруга пожала плечами и уткнулась в тетрадь.

Но сама Лу её в покое не оставила. Подошла на перемене:

– Что ты имела в виду?

– Когда?

– Ну, на географии. О методах обучения...

– А! Ну вот смотри. Чего от нас лейтенант добивается?

Лу возвела глаза к потолку:

– Кто о чем, а лысый о расческе! Ну, он же прямым текстом говорит: солдат должен выполнять приказы не раздумывая! Вот вчера... Ой!

– Дошло? – усмехнулась Кара.

– Но... как же так? Один требует, чтобы мы роботами стали. А другой заставляет мозги включать... Ой, ладно. Я с ними с ума сойду! Кстати, ты в увольнительную-то идешь?

– Если опять не накосячу, – вздохнула Кара. – Вечно у меня все не как у людей!

– Так пойдем, списки глянем, уже должны вывесить!

– Не успеем, вон, звонок.

По коридорам плыл протяжный звук гонга. Динамики транслировали его на все учебное крыло, и подгоняемые им курсанты спешили в аудитории.

Но, едва началась следующая перемена, подруги заторопились в холл. Там, на специальной доске вывешивались списки тех, кто заслужил увольнительную.

– Ну надо же! – искренне удивилась Кара, увидев там свою фамилию. – И я дожила до такого счастья!

– Я же говорила! – ликовала Лу. – Говорила же?

– Говорила, говорила...

– Что делать будешь?

– Да как-то не думала, – растерялась Кара, – не ждала ведь!

– Твои родители в командировке, да? Тогда... ты свободна? Со мной пойдешь!

– К...куда?

– Да, ой, звонок, побежали!

И только к вечеру подруги смогли вернуться к этому разговору.

– Так, ты что на выход наденешь?

– Ну... парадную форму. Чего смеешься? Курсанты мы или нет?

– С таким подходом жениха ты себе не найдешь! – Лу лежала на кровати, после приступа смеха сил встать не было.

– Ржать хватит! Кстати, ты куда меня звала?

– Ну, понимаешь... – Лу села ровно и виновато посмотрела на Кару. – У меня свидание вслепую. Но парней будет двое. Мне велели подругу привести.

– Я не пойду, – тут же заявила Кара.

– Ну, Карочка! Ну, миленькая! Ты же не хочешь, чтобы я во цвете лет загнулась от одиночества? Да и тебе пара нужна.

– С чего ты взяла? – Кара даже замерла от неожиданности. – Мне и одной неплохо.

– Ну, Кара!

Напор Лу оказался слишком мощным. Она продолжала уговаривать даже после отбоя. И Кара сдалась:

– Хорошо! Но если мне не понравится...

– То ты сразу уйдешь! – тут же согласилась Лу. – Только... не надо форму, хорошо?

– Да мне как-то больше и надеть нечего, – смутилась Кара. – Похудела я здесь, на целых два размера!

– Ой, правда? Счастливая! – протянула Лу. – Ну, это не страшно. Перед свиданием быстренько в магазин забежим, купим тебе что-нибудь подходящее! А теперь – спать! Завтра нам надо быть выспавшимися и красивыми!

Кара только вздохнула на бьющий ключом оптимизм подруги. Но спорить не стала. Спать, так спать. Тем более что день выдался ничуть не легче, чем остальные.

Утро началось с построения. Но те, кто получил увольнительную, освобождались от пробежки, да и от марша в столовую. Лейтенант пожелал им хорошо отдохнуть и напомнил, что вернуться все должны до двадцати одного часа.

– Опоздавшие пусть пеняют на себя. Те, кто явится в непотребном виде – тоже. И если поступит хоть одна жалоба от патруля на поведение курсантов Академии... виновным лучше сразу застрелиться.

Сказал он это с улыбкой, больше напоминающий оскал, но курсанты даже не подумали рассмеяться: они подозревали, что их командир не шутит.

– Ну, и отличненько! – радовалась Лу, оказавшись за пределами Академии. – Теперь быстренько летим в магазин, я тут знаю одно место, там такие тряпочки! Закачаешься!

– А может, не надо? Я, вроде, прилично одета, – вяло отбивалась Кара.

– Прилично для чего? Для похорон? – Лу презрительно оглядела наряд подруги. – Хочешь сказать, тебе в этом уютно?

Не дождавшись ответа, подтащила подругу к ближайшему зданию. В высоком окне отразились две девичьи фигурки.

– Ну мрак же! Где ты вообще такое берешь? Черное да серое... И прическа... Карочка, милая, мужчины глазами любят. Их надо внешностью своей покорять. Чтобы увидел, и сразу «АХ», и на земле! Прямым попаданием! Так что хватит ломаться, идем скорее!

Двери торгового центра распахнулись, пропуская девушек в царство шоппинга. Лу со знанием дела потащила подругу к эскалатору:

– Нам на третий. Там тааакооой отдел есть! – она в восторге закатила глаза.

Кара пожала плечами:

– Лу, ты мне правду скажи, какого тебя в армию понесло? Да еще в Академию? Извини, не верю я в генерала.

– Честно? Там можно найти хорошего мужа. Со стабильной работой и высокой зарплатой. Да и сама без дела не останусь. На мои хотелки знаешь, сколько денег нужно? О! Нам сюда!

С постаментов на посетителей отдела равнодушно взирали манекены, наряженные кто во что горазд.

– Ты... уверена? – Кара задержалась у входа, но Лу решительно увлекла её вперед.

Минут через сорок Кара мрачно рассматривала себя в зеркале. Занавеска у входа в кабинку отодвинулась, и сияющая Лу захлопала в ладоши:

– Потрясно выглядишь! Если вылечу из Академии, пойду на дизайнера учиться!

– Думаешь? – Кара повернулась, оглядывая себя со всех сторон.

– Знаю. Но чего-то не хватает... вот, нашла!

На плечи Кары, поверх бесформенного свитера улегся скрученный жгутом багровый шарфик.

– Вот, теперь отлично. Только... обувь нужна другая.

Кара мрачно поглядела на свои ноги. Ботинки на низком каблуке. Удобные, практичные...

– И чем тебе моя обувь не угодила?

– Грубовато. К этому наряду нужно что-то поизящнее, чтобы контраст был. Не стой как громом пораженная, опоздаем!

В обувном отделе подобрали ботильоны.

— Колодка неудобная! — пожаловалась Кара.

– Потерпишь, не сахарная. Зато красиво.

– Так что, я из-за этой «красоты» должна ноги гробить? Они у меня не казенные!

– Потерпишь! – Лу была неумолима. – Так. Теперь прическа и макияж!

– Я тут салон видела, – робко указала направление Кара, но Лу не слушала.

– Где-то тут зеркало было...

Она подтащила подругу к квадратной колонне, облицованной зеркальной плиткой, и расстегнула заклепку.

– Прямо здесь? – ужаснулась Кара, но Лу уже занялась её волосами.

– Жалко, обрезала ты их... Ну, ничего, сейчас сделаем хвост... выпустим «завлека-
лочку»... – по обе стороны лица упали тонкие пряди. – Готово! Пошли дальше!

Кара уже перестала не то что сопротивляться – вопросы задавать. Но, когда подруга остановилась возле косметического стенда и вооружилась кисточкой для пудры, попыталась возмутиться:

- У меня своя косметика есть!
- Ага. Я видела. Два оттенка теней да тушь. Стой смирно!
- Лу, ну кто его знает, кто этой кистью до нас пользовался? Их же не моют!
- Да ерунда все это! Всю жизнь так делаю. Стой смирно!

И Кара сдалась в очередной раз.

Напоследок Лу затащила её в парфюмерный отдел и долго выбирала пробник. А потом жестом фокусника распылила понравившийся аромат на подругу:

– Они стоят, как крыло от военного самолета. Нам такие не купить... Ну, теперь пошли! А то опоздаем.

У выхода Кара на минуту задержалась перед большим зеркалом. Потом в карих глазах появились искры. Усмехнувшись, девушка тряхнула головой, словно на что-то решаясь, и заторопилась за подругой.

Небольшое кафе, где любила собираться молодежь, встретило гомоном. Лу притормозила у входа, кого-то высматривая. Потом достала телефон.

– Ничего не слышно! Погоди, сейчас СМС-кой... О! Уже не надо! Вот и Рой.

К девушкам уже спешил молодой человек:

– Лу, привет! – они обменялись поцелуями, – я уже не надеялся!

– Извини, мы задержались немного. А это Кара. Едва уговорила прийти, так что должен будешь!

Парень протянул руку. Кара, чуть поколебавшись, пожала узкую ладонь.

– Ничего не должен! Ты даже не представляешь, кого я вам привел на растерзание! Ни в какую не соглашался. Упрямый, как баран.

– О! – рассмеялась Лу. – Кара, кажется, тебе пару нашли по характеру!

– Хочешь сказать...

– Пошли быстрее! – тут же соскользнула с нехорошей темы Лу и подхватила Кару под руку. – Рой, води!

Узкий проход вихлял, как горная речка. Небольшие столики отделяли друг от друга пластиковые перегородки в виде штакетника. Низкие, так что перешагнуть можно, они были призваны создать иллюзию привата.

Столик, забронированный Роем, прятался за ширмой из рогожи. Девушки зашли за неё и замерли: прямо перед ними сидел лейтенант Королевской Военной Академии Нэй Байю.

Лу пискнула и отступила.

– Ты чего? – подтолкнул её вперед Рой. – Знакомьтесь! Намир, – рыжеволосый парень, сидящий в уголке, взмахнул рукой, – и Нэй.

Лейтенант не пошевелился. Только взгляд переводил с Кары на Лу и обратно.

– Садитесь, девочки. Сейчас еще Мира подойдет, только что звонила... и я вас оставлю тет-а-тет.

– Великолечно! – улыбнулась Кара и спокойно опустилась на стул прямо напротив лейтенанта, – будем знакомы! Я – Кара.

Намир тут же пододвинул к ней бокал:

– Вина? Или чего другого?

– Вина, – кивнула Кара. – Лу, ну что ты там?

Лу всхлипнула и медленно уселась на подвинутый Роем стул. Телефонный звонок, на который друг торопливо ответил, заставил её вздрогнуть и прийти в чувство:

– Здравствуйте. Меня Лу зовут.

Рой чмокнул телефонную трубку и сообщил:

– Я побежал. А то вы Миру знаете, опоздаю – мне не жить! Счастливо оставаться!
И он умчался.

За столом повисло напряжение. Даже Намир понял, что происходит что-то неладное, и притих.

– Думаю, продолжать знакомство не стоит, – лейтенант поднялся. – Желаю приятно провести время.

– погоди! Нэй! Ты куда? – безуспешно попытался удержать его Намир.

– Да пусть идет! – махнула рукой Кара. – Мы и так неплохо повеселимся, да, Лу?

– Дд...а, – выдавила из себя девушка, провожая взглядом командира.

Намир оказался интересным собеседником. И пить умел. Он подливал в бокалы вино и рассказывал смешные истории, чутко реагируя на смену настроения. Но очаровать Лу так и не смог.

– Он милый, – вздыхала она, сидя в такси, – но лейтенант... Нет, ты видела, какое у него тело? В этой облегающей футболке...

– На кубики лейтенанта ты можешь вдоволь налюбоваться и в Академии, – урезонивала подругу Кара. – По мне, так и хорошо, что ушел, хоть повеселились. А то своей постной миной...

– Ничего ты не понимаешь! – надула губы Лу. – Работа у него такая! А в неофициальной обстановке он мог раскрыться совсем с другой стороны!

– Тебя только это волнует? Лу, он старше по званию!

– Ну и что?

– А то, что ни ты, ни я не спросили его разрешения на отдых в том же кафе, что и он!

– Ой, и правда! – Лу задумалась на минуту, потом расплылась в улыбке. – Ничего нам не будет! И мы, и он были в штатском. А значит...

– А значит, будем ждать, чего там решит левая пятка лейтенанта, – не разделила её оптимизма Кара. – Приехали, выходим.

Девушек чуть пошатывало от выпитого, но отпускникам позволялись некоторые вольности, если они не надевали форму и не выходили за рамки. Подруги быстро сбегали в душ, переоделись и дождались переключки.

Лейтенант прошел по коридору, проверяя, все ли курсанты на месте. Мимо Кары и Лу он прошел, даже не повернув голову. Только велел дежурному отметить, что явились они вовремя.

– Вот дает! – восхитилась Лу. – Даже голос не дрогнул!

– А чего ему дрожать? Мы порядок не нарушали, а свидания вслепую не запрещены, – Кара взбила плоскую подушку. – Давай спать. Знаешь ведь этого гада: на пробежке устроит какую-нибудь гадость, как обычно.

– Угумс, – согласилась Лу. – Такое чувство, что он весь отряд ненавидит.

Но девушки ошиблись. Сигнал пробудки прозвучал задолго до рассвета.

Дежурные отдали команду: построение в полной выкладке.

Лу тихо ругалась, подгоняя лямки рюкзака. Кара соглашалась: бежать ночью, с тяжелым грузом за плечами и в тяжелом бронежилете – то еще удовольствие. Особенно после хорошего проведенного дня. Но спорить нельзя.

Девушки выскочили на плац в числе первых и перевели дух: если отряд и накажут, то не из-за них.

Лейтенант, навьюченный не меньше курсантов, стоял с секундомером. Отряд уложился в точно отведенное время.

– Отлично! Приготовьтесь к марш-броску на сорок километров. Дежурные, раздать пайки! Всем проверить экипировку! Чтобы ничего не болталось, не гремело и не натирало!

Курсанты получали сухпак, укладывали его в рюкзаки и старательно выполняли приказ. Все уже знали, чем грозит плохо подогнанная экипировка. А лейтенант имел обычай за провинность одного изводить весь отряд. Быть причиной наказания не желал никто.

– Готовы? За мной!

– Какого черта, – ругалась Лу, когда ботинок пробивал тонкий лед в замерзших лужах. – Он что, специально где погрознее выбирал?

– Не удивлюсь, – пыхтела рядом Кара, – но ты помалкивай, дыхание береги.

Вскоре уже не то что разговаривать, а и поднимать голову, чтобы посмотреть, что впереди, сил не осталось – лейтенант задал слишком быстрый темп.

– Шевелите булками! Враг ждать не станет! Курсант-рядовой Глен, перечислите части общевойскового защитного комплекта, а также нормативы одевания!

Задыхаясь, курсант дал ответ. Но лейтенант не унимался:

– Курсант-рядовой Хань, виды боевых противогазов, отличие фильтрующего от изолированного. Быстро!

Кара едва легкие на дороге не оставила, перечисляя. Лу достались отличия гражданских противогазов от военных.

Неожиданный экзамен затронул всех! Лейтенант безжалостно «минусовал» не только за ошибки, но и если курсант не мог ответить из-за сбоя дыхания. И только погнав всех по теории, командир дал приказ остановиться:

– Пятнадцать минут на отдых. Время пошло!

Курсанты попадали, где стояли. Кто-то припал к горлышку фляги, кто-то просто сидел, уставившись в одну точку, кто-то пытался отдышаться.

– Это он мстит так! – прошипела Лу, стараясь, чтобы не услышал никто, кроме Кары.

– За что?

– Да за сорванный выходной. Вот представь: мужик уже настроился расслабиться, выпивки, девочки... А тут – мы, такие все красивые. Вот и озверел.

– Бред, – голос Кары хрипел от напряжения, – остальные же не причем. Хотел бы отомстить...

– Ага. Забыла его кредо? «Все за одного»? Вот теперь «все» и отдуваются.

– Да брось, – Кара протянула подруге флягу с водой, – скажи лучше, ты уже от своей любви излечилась?

Ответом ей был тяжелый вздох:

– Если бы! Какой он вчера был, в этой обтягивающей футболке!

– Какой?

– Сексуальный, – Лу мечтательно закатила глаза.

– Мда, – Кара закрутила крышку и убрала флягу на место, – горбатого могила исправит.

Видно, дурь марш-бросками не лечится...

– Да ну тебя! – обиделась Лу. – Лучше...

Договорить она не успела. Зычный голос лейтенанта прервал отдых. Курсанты поднимались на ноги и становились в строй: впереди маячил тяжелый день.

С шага переходили на бег, потом опять шагали. Обед «из баночки», разогретый на специальной горелке, оказался не слишком противным. А может, это голод постарался, известно же, что он – лучшая приправа. К концу марш-броска отряд едва ноги волочил, и даже у лейтенанта на лице появились светлые дорожки – ручейки пота проторили их на покрытой пылью коже.

Возвращались, предвкушая отдых. Но командир дал лишь полчаса на то, чтобы привести себя в порядок и собраться на плаце.

– Как самочувствие? Живы?

– Так точно! – ответили хором, стараясь, чтобы эхо от крика разнеслось как можно дальше.

– Готовы к тренировкам?

– Так точно!

Прозвучало лихо, но челюсти у курсантов свело – мечты об отдыхе накрылись.

– Тогда сейчас – командная работа!

Длинные скакалки закрутились, задевая размякшую за день землю. Армейские ботинки взяли в ней и с чавканьем вырывались на волю – курсанты старательно прыгали. Сложность заключалась в том, что прыгали не по одному: лейтенант разбил отряд на пятерки. Стоило хоть одному запнуться, и из соревнований выбывала вся команда. Проигравшие заступали на ночное дежурство. Победителям же накидывалось полчаса личного времени.

Группа Кары и Лу зацепилась за скакалку третьими. И, усевшись в сторонке, девушки с интересом наблюдали, кто же победит. А потом дружным строем, под пение марша отправились в столовую.

Еды в глубоких подносах-менажницах хватило бы на троих. Но старшие по званию бдительно следили, чтобы курсанты не оставили ни кусочка:

– Эта еда не вами заработана! Имейте уважение к труду налогоплательщиков! Благодаря им вы можете обучаться в Академии и жить на всем готовом!

С ними не спорили. Тем более что физические нагрузки требовали энергии. Съедалось все до крошки, до крупинки. Некоторые даже добавки просили. Им не отказывали – голодный солдат много не навоюет. А курсанты в первую очередь являлись солдатами.

После отбоя у подруг даже сил не хватило поболтать. Обе не заснули – отключились, едва добравшись до кроватей. И утреннюю побудку встретили не только стонами и жалобами, но и крепкими выражениями.

Но на зарядку явились без опозданий.

Пробежка. Разминка. Завтрак. А после занятий в аудитории отряду велели явиться в тир. Длинные столы с аккуратно разложенным оружием тянулись вдоль стен.

– Первая пятерка, выйти вперед!

Курсанты выполнили приказ. И получили маски, полностью закрывающие глаза:

– Разобрать!

Детали одна за другой ложились на белый пластик столешницы. Когда на него опустилась последняя, последовал следующий приказ:

– Поменяться местами! Маски не снимать! Собрать оружие!

Бедолаги заволновались: они не знали, что именно лежит перед ними. Пытались что-то понять, ощупывая детали, но безуспешно.

– Маски снять! Собирайте!

С открытыми глазами все справились неплохо. Но лейтенант остался недоволен.

– Дай сюда, – забрал маску у ближайшего подчиненного, – смотрите и запоминайте!

Он двигался вдоль стола, разбирая и снова собирая. Иногда оставлял детали лежать, и двигался к следующему. Потом возвращался. Но апофеозом стало, когда он сгреб все в одну кучу, а потом спокойно рассортировал снова.

– Вы должны уметь на ощупь определить, что перед вами: пистолет, охотничье ружье, обрез, автомат или снайперская винтовка. И работать с тем, что имеется. А теперь, первая группа – на линию огня!

Девушки отстрелялись не хуже, не лучше остальных. Разве что выстрелы Кары ложились кучнее, чем у подруги, да ближе к центру, чем у основной массы курсантов. Лейтенант долго рассматривал её мишень, потом отложил в сторону:

– Неплохо. На сегодня все, возвращайтесь в аудиторию.

– Господин лейтенант, разрешите задать вопрос!

– Задавайте.

И курсант осмелился задать вопрос, который мучил всех уже несколько месяцев:

– Господин лейтенант, почему вы так рветесь в лейб-гвардию? Разве быть наставником тех, кто туда попадет, не почетнее?

– Кру-гом! Шагом марш на занятия! – прозвучало вместо ответа.

Опасаясь получить еще и нагоняй, курсанты сдержали вздох разочарования. Но теорий меньше не стало: от банальной жажды славы и денег до «следования высокой цели».

– Он же сын сановника! Думаете, ему нужны деньги?

Девушки помалкивали, Кара – потому, что не любила обсуждать людей за спиной, а Лу просто слушала, не желая пропустить ни слова о своем обожаемом лейтенанте.

– Лу, это мезальянс! – посмеивалась над ней подруга. – Он дворянин, причем высшего эшелона!

– Настоящая любовь не знает преград! – вздыхала Лу.

– Любовь-то да... Но думаешь, твой лейтенант осмелится жениться вопреки воле родителей? Милая, у них там все не как у людей!

– Да знаю я, знаю! – взрывалась девушка. – Но что я могу поделать?

– Они тоже – ничего. Ты же знаешь, благополучие страны зависит от высшего дворянства.

– Ой, не надо! От королевской семьи оно зависит! От остальных – постольку-поскольку. Вот если король не успеет, тогда да, всем конец придет.

– Думаешь, они этого не знают? Потому и следят, чтобы не оступиться. Потерять все мало кто хочет. Поэтому... не мечтай о несбыточном.

– Но Кара... – Лу никак не желала остановиться. – Если все это правда... то противиться влюбленным – значит нарушать гармонию семьи, не так ли? Думаю, Его величество не захочет это делать. Если подать прошение...

– Лу! – голос Кары ударил, как хлыст, подруга даже отшатнулась. – Думай, о чем говоришь! Лейтенант тебя даже замечать не желает, а ты уже прошение решила подавать. Это раз. А два... он хоть и дворянин, но к королевскому роду отношения не имеет. Его поведение на стране не отразится. По крайней мере, она это переживет.

– Вечно ты так, – решила обидеться Лу, и до конца дня Кара не слышала от неё ни слова. Но к выходным оттаяла окончательно.

– На свидание пойдешь?

– Опять? – Кара даже отжиматься перестала.

– А что? Пока молодая, надо и о будущем позаботиться!

– А как же лейтенант? И твоя любовь неземная?

– Любовь любовью, а обед по расписанию. Кстати, Рой сам удивился, что именно нашего лейтенанта на свидание притащил. Прощения просил.

Кара уселась на полу, скрестив ноги:

– Даже так?

– Ага. Говорит, он его давно знает... Представляешь, у нашего командира до сих пор девушки нет!

– А ты удивлена? Думаешь, будь он с девушкой, пошел бы на свидание?

– Да я не об этом, – отмахнулась Лу. – Он еще ни разу не встречался ни с кем дольше месяца! Не выдерживают подруги. А знаешь – почему?

– Ну, почему? – Кара вернулась к тренировке.

– А потому, что он кроме своей службы ни о чем думать не может! Ну какая девушка это выдержит? Ну, вот и я подумала-подумала, и решила: у своего мужчины я должна быть на первом месте. Я, а не работа!

– Не пожалеешь? – хихикнула Кара.

– Было бы о чем! Так что, если командир тебе нравится – забирай!

От такого предложения Кара каталась по полу, хохоча во весь голос:

– Ну, спасибо за подарок, подруга!

– Я так понимаю, завтра ты со мной? – уточнила Лу.

– Да с тобой, с тобой. А то опять куда-нибудь вляпаешься! В душ идешь? Или я первая?

– Да иди уже! – Лу достала зеркальце. – Я пока маску сделаю.

Кара полюбила эти вылазки с Лу, подготовки, пробежки по магазинам. Само свидание она, по совету подруги, рассматривала как повод завести новые знакомства:

– Думаешь, они все туда приходят пару искать? Нет, кто-то и за этим, но большинство – развлечься. Так что не парься! Вот, держи, тебе эта помада тоже подойдет! Не шарахайся, новая! Недавно купила.

Единственное, к чему Кара так и не смогла привыкнуть, это к макияжу с рекламного стенда. Грязные кисти приводили её в ужас, и Лу в конце концов перестала переубеждать подругу:

– Ну и ходи, как серая мышка! Ты такую косметику в жизни себе не купишь!

Кара её понимала: родом из небогатой семьи, Лу отправилась покорять столицу в одиночку. Младший брат, который планировал поступать в медицинский институт, недавно родившаяся сестренка требовали немалых средств. Ясли, садик... И Лу как в омут кинулась в зарабатывание денег. Целеустремленности и работоспособности девушке можно было позавидовать, но судьба привела её в армию.

– А что? Жалование хоть не высокое, зато стабильное! На одежду опять же тратиться не надо, все казенное. Можно о повседневных нарядах не думать. Думаешь, легко в офисе? Два раза в неделю в одной и той же блузке появиться нельзя. И обувь... Так я пару туфель купила, их на пару лет хватит, а то и больше, носить-то особо некуда, только в увольнительные. Так что мне повезло, что я в Академию попала.

– Не повезло. Ты сама много для этого сделала. Абы кого сюда не берут, – Кара на самом деле радовалась за подругу, – а с твоим характером ты скоро на повышение пойдешь!

– Зато ты с твоим того и гляди вылетишь! Следи за языком, сколько тебе повторять!

– Хорошо, хорошо!

Кара на самом деле училась молчать. И прятать взгляд. Давалось ей это тяжело, но дни складывались в недели, а те – в месяцы. И время помогало отработать навык.

Лейтенант привычно обходил строй курсантов. За прошедший год они изменились и уже почти походили на настоящих солдат. Только выправки не хватало. Той самой, что отличала элитные войска. Мелочь, но достигалась она суровыми методами:

– Выстройтесь вдоль стены! – махнул он в сторону ближайшего здания. – Затылок и пятки прижать, плечи развернуть! Лопатки касаются стены целиком! Руки свободно вдоль тела. Отлично. Стоим так ровно тридцать минут. Время пошло!

Первые семь минут стоять было несложно. Но уже через двенадцать тела, не привыкшие к статической нагрузке, начали жаловаться. Плечи опускались, головы отодвигались от стены, поза стала казаться жутко неудобной.

Но лейтенант сурово посматривал на часы. На циферблате ровно, как метроном, одна цифра сменяла другую – секундомер был беспристрастен.

– Шаг вперед! Вольно!

Курсанты сдержали вздох облегчения: лейтенант не приветствовал открытого проявления чувств.

– Отныне это упражнение является для вас обязательным! Ежедневно, при любой погоде, вы будете тренировать выправку. Постепенно доведем время до трех часов. Всем понятно?

– Так точно! – за время в Академии курсанты научились отвечать дружно, как один.

– До ужина у нас, – снова взгляд на часы, – ровно пятнадцать минут. Можете проверить списки на увольнение. В столовую не опаздывать!

Курсанты не верили своему счастью. Целых пятнадцать минут дополнительного личного времени!

– С чего он так щедр? – подозрительно косилась на прохаживающегося взад-вперед лейтенанта Лу. – Мне уже страшно.

– Что будет, то будет, – пожала плечами Кара и подтолкнула подругу в спину, – давай скорее, а то там не протолкнешься!

У стенда собралась толпа. Девушки пробились к спискам и пристально всмотрелись в ровные столбики имен. Нашли свои и довольные отправились в столовую.

– У тебя все в порядке? Ты изменилась! – принц внимательно осмотрел сестру с ног до головы.

– Сильно? – принцесса кинула сумочку на пустой стул и уселась напротив брата.

– Сильно. Раньше ты так не одевалась.

– Только это? – девушка оглядела свой наряд. Очень короткие джинсовые шорты, белая борцовка, простые кроссовки. – Неужели ты думаешь, что тряпки могут меня изменить?

– Не тряпки. Чтобы надеть... это, – он несколько секунд подбирал слово, но так и не нашел, – нужно изменить свою психологию.

– Хорошо, – принцесса придвинула себе креманку с мороженым, – пусть так! Дома все хорошо? Как родители?

– Мама скучает. Ты ей хоть пиши почаще, раз уж звонить не можешь.

– А отец? Смирился?

– Ну, – принц грустно улыбнулся, – он пришел к выводу, что раз нет ни цунами, ни наводнений, ни засухи, то все в порядке. Правда, он до сих пор думает, что ты просто служишь в сухопутных войсках, где-нибудь при штабе. Если узнают правду...

– Тяжело секреты хранить?

– Тяжело, но я предпочитаю думать, как отец: в стране мир и порядок, а значит, все идет как надо. – Принц вздохнул, глядя на то, как сестра совсем не по-королевски облизывает ложку. – И все-таки ты сильно изменилась. Я буду надеяться, что это не приведет к катастрофе.

– Я тоже. Слушай, я еще мороженого хочу!

– Не простынешь? – принц придвинул сестер свою порцию.

– Не... Черт! Твой мотоцикл!

Принц стремительно обернулся. Сквозь стеклянную стену кафе хорошо было видно, как обнаглевший юнец пытается откатить большой мотоцикл со стоянки.

– Стой! Куда! – принцесса подхватила шлем и выскочила вслед за братом. – Если тебя узнают...

– А ну стой, засранец! – принц не слушал сестру.

От сильного удара паренек покати́лся по асфальту. Но из-за угла к нему на помощь кинулись друзья.

– Быстро! – принц моментально оценил обстановку и оседлал мотоцикл. Принцесса прыгнула на заднее сиденье и прижалась к брату. Двигатель взревел, и опускающаяся палка только скользнула по спине девушки.

– Цела?

– Да!

– Тогда держись крепче!

Мотоцикл летел по дороге, а на поворотах почти ложился на бок. Раз, другой, третий...

– Почему мы убегает? Мы же ничего плохого не сделали? – прокричала принцесса в ухо брату.

– Если меня узнают, то начнут выяснять, с кем я встречаюсь. Сама знаешь, на что способны журналисты. Вылетишь из Академии со свистом!

Принцесса промолчала, еще крепче прижавшись к брату. Тот снизил скорость:

– Кажется, далеко уехали.

И в этот момент прямо под колеса мотоцикла кинулась собака. А за ней на дорогу выскочила девочка. Принц среагировал мгновенно: мотоцикл лег на бок и заскользил по дороге, сшибая легкие столбики разделительной полосы. Его пассажиры покатались по асфальту. Принца спасла крепкая кожаная куртка, а вот за принцессой на дороге остался длинный кровавый след.

Машины метались, стараясь объехать людей и разбившийся мотоцикл. Ребенок догнал собаку и стоял, в ужасе прижимая щенка к себе. Кто-то из прохожих догадался оттащить его из-под колес, обратно на тротуар.

Принц сидел на земле, темное забрало шлема треснуло, но он не решился его поднять. А потом, когда увидел распластавшуюся без движения сестру, стало не до этого.

– Деля! Делечка! Очнись! Ты в порядке?

Голова девушки моталась из стороны в сторону, когда обезумевший от горя брат тряс её за плечи.

– Делька!

– Уходи... – рассеченные губы двигались с трудом.

– Жива... – принц осел на окровавленный асфальт. и тут же подхватился. – Вызовите скорую! И полицию!

– Уже, – отозвался кто-то.

Зеваки снимали аварию на телефоны, но на помощь не спешили.

– Уходи, – повторила принцесса, – тебя узнают!

– Но ты...

– А я буду в порядке. Да беги же ты, дурень! Скажу, что за рулем я была.

– Ты рехнулась? – и принц потянулся к шлему. Свое дело он сделал, голову спас. Но теперь превратился в помеху.

– Не смей, – сестра из последних сил перехватила его руку, – все разрушишь...

– Да плевать! Сейчас ты важнее. Деля! Не смей! – всполошился он, глядя, как глаза сестры закрываются. – Деля! Деля!!!!

Его крик заглушил даже сирену полицейской машины, что спешила к месту аварии.

Полицейские и «Скорая» подъехали одновременно. Врачи тут же начали действовать:

– Не мешайте!

– Да... Да. Она жива? Очнется?

Полицейский оттеснил принца от сестры:

– Как вас зовут? Предъявите документы, пожалуйста.

Принц почти не слушал, все его внимание занимала лежащая на носилках девушка. Её шею поддерживал корсет, и провода опутали фигурку разноцветной паутиной.

– Господин! – полицейскому надоело ждать. – Ваши документы. Вас уже осмотрели?

– Нет, – спохватился принц, – мы можем поговорить в вашей машине?

Служитель закона насторожился:

– Ваши документы!

Принц со вздохом протянул права. Рука полицейского тут же рванулась к козырьку кепи, но предостерегающий взгляд заставил её остановиться.

– Пожалуй, вы правы. Лучше поговорить в машине.

Беседа не затянулась. Рассказав, как все было, принц рванул к врачам.

– Ваше имя? – те немедленно кинулись осматривать жертву ДТП.

– Со мной все в порядке. Как она?

– Кто она вам?

Принц уже открыл рот, чтобы сказать правду, но не решился:

– Знакомая.

– В таком случае, вы должны знать её имя.

– У неё документы с собой.

Медсестра тут же расстегнула «молнию» на поясной сумке девушки.

– Да, вот они, – квадратик полупрозрачного пластика переключался в руки врача, который заполнял бумаги.

– Ого! Курсант Королевской Академии! – восхитился тот.

– Курсант, курсант, – не выдержал принц. – Вы её в больницу везти собираетесь?

– Уже! Вы с нами?

– Конечно!

Кровь окрашивала салфетки, пропитанные дезинфицирующим раствором. Медики протирали раны и кидали буро-розовые тряпки в специальную емкость. Раны поглубже просто промыли и наложили повязки – в больнице ими займутся другие врачи.

Каждый поворот, каждый толчок автомобиля болью отзывался в израненном теле. Но принц думал не о себе. Он прислонился лбом к пальцам сестры и тихо молился.

– Очнись, маленькая... Умоляю... Очнись...

– Больно... отпусти!

Принц не сразу услышал. И вздрогнул когда понял, что этот полухрип принадлежит сестре.

– Она очнулась! Ей больно!

– Руку... отпусти...

Только теперь принц заметил, как сильно сдвинул пальцы. Они побелели, и девушка с трудом смогла согнуть и разогнуть их.

– Почему ты здесь? Придурок...

– Не разговаривай! – и, наклонившись к самому уху, прошептал: – Они не знают. Я ничего не сказал...

– Убирайся!

– Что?

– Говорю, убирайся! – девушка закашляла. – Не порти мне все!

Вместо ответа принц повернулся к врачу:

– В какую больницу её везут?

– Ближайшая – «Рассвет». Или у вас есть другие предпочтения?

– Нет-нет, «Рассвет» вполне подойдет.

Эта клиника славилась хорошим оборудованием и, хотя и держала цены на высоком уровне, от отсутствия пациентов не страдала. Да и хирурги считались опытными.

– Можете остановить?

– Что? – врач непонимающе уставился на странного сопровождающего.

– Остановите. Иначе она сейчас вскочит и начнет меня бить. Сами же видите, в каком она состоянии.

Врач усмехнулся и дал знак водителю. Автомобиль притормозил на обочине.

– Не беспокойтесь, все счета будут оплачены, – успокоил медиков принц и повернулся к сестре: – А в Академию я сообщу, так что лечись спокойно.

– Не смей, – что еще рычала принцесса, он не услышал – дверь отсекала все звуки.

В приемном покое девушка провела довольно много времени. Врачи приходили по очереди, мяли живот, проверяли рефлексы. Потом назначили кучу обследований: ультразвуковое, МРТ, анализы крови... А когда все было готово, осмотр пошел на второй круг.

Наконец, когда принцесса готова была вспылить, консилиум вынес вердикт: травм, требующих немедленного хирургического вмешательства, нет. Положить в отделение невропатологии и наблюдать.

Каталку вывезли из малой операционной, а вернее – процедурного кабинета, в котором перевязывали раны и накладывали под местным наркозом швы. Девушка лежала спокойно,

пока её не развернули в сторону коридора. Над дверями висели часы, и стрелки неумолимо приближались к половине седьмого.

– О Боже!

– Не вставайте! – попыталась удержать принцессу медсестра, но трубка капельницы закачалась, и из иглки потекла жидкость. Шейный корсет упал на каталку, а девушка торопилась к выходу:

– Лейтенант с меня три шкуры сдерет, если на построение не успею!

– Госпожа Хань, – медсестра успела взглянуть в карточку больной, – в Академию уже доложили о происшествии.

– Ну, спасибо! Теперь мне точно конец!

Не обращая внимания на медсестру, Кара рванулась к ближайшему такси.

Скрежет тормозов резанул по ушам. Таксист выругался и зло обернулся на хлопнувшую дверцей девушку:

– С ума сошла – под колеса кидаться... Ох! – он заметил повязки. – Вам плохо?

– Мне будет плохо, если я опоздаю. Скорее! – Кара продиктовала адрес.

Ровно без пяти восемь она стояла в шеренге. Лу, видевшая бинты и ссадины, тревожно косилась на подругу:

– С тобой точно все в порядке будет?

– Не сахарная, не растаю...

– Но и не железная, – бормотание Лу прервал лейтенант.

В этот раз он не стал устраивать переключку. Обежал взглядом строй и велел:

– Курсант-рядовой Кара Хань, выйти из строя!

Она сделала шаг. Качнулась влево, но тут же выровнялась, вытянувшись по стойке «смирно».

– Вижу, у тебя не все так плохо, как мне сообщили врачи, – голос лейтенанта дрожал от едва сдерживаемой ярости, – сил еще достаточно. Позволь напомнить, ты являешься курсантом Высшей Королевской Военной Академии. А значит все, что ты делаешь, отражается на ней! Все! Хорошее или плохое. Что произошло? Что за авария?

– Собака на дорогу выскочила, господин лейтенант. А за ней – ребенок.

– Собака, говорите? А мне кажется, там что-то другое. И если это «другое» подтвердится...

Голос лейтенанта то приближался, гремя в ушах набатом, то отдалялся, почти затихая. Кара не могла понять, почему командир вдруг изменил привычке говорить четко и ясно, почему бубнит что-то себе под нос? И окружающий мир с ума сошел – все словно выцвело, потеряло яркость, а после и вовсе пустилось в пляс.

– Кара Хань! – лейтенант в два прыжка оказался возле упавшей девушки. Похлопал по щекам, прислушался к дыханию.

– Разойтись. До отбоя – свободное время. Из казарм – ни ногой. Ты, – кивнул Лу, – за мной.

Он почти бежал, торопясь в лазарет. Уложил девушку в полевой форме прямо поверх простыней, не думая о чистоте. И ужаснулся: их белизна страшно перекликалась с бледностью Кары.

Врач проверил зрачки, дыхание, расстегнул верхнюю пуговицу куртки и прослушал сердце:

– Что с ней? – спросил, не оглядываясь.

– Она сегодня попала в аварию. Сбежала из больницы. Я сейчас принесу документы, которые мне передали.

– Поскорее, пожалуйста. И разуйте её. На кровати, в ботинках...

Лу кинулась распутывать шнуровку. Потом сняла с подруги куртку, кепи, укрыла простыней.

Лейтенант вернулся быстро. Врач просмотрел документы и нахмурился:

– Вы свободны, лейтенант. Вы тоже, курсант-рядовой.

– Что с ней? – не удержалась от вопроса Лу. Лейтенант нахмурился, но не одернул и вопросительно уставился на врача.

– Судя по документам, последствия сотрясения. Возможно, придется переводить в госпиталь. Точнее будет ясно завтра. Всего хорошего, господа.

Принц просматривал страницу за страницей. Планшет мерцал то красным, то голубым, то желтоватым – в зависимости от сайта.

– Нам удалось заблокировать все видео. В новостях происшествие тоже не появится.

Секретарь положил перед принцем бумагу. На нем виднелись столбики цифр.

– Потрудишься, чтобы это – его высочество подписал счет, – тоже осталось в тайне.

– Разумеется, – листок вернулся в папку.

Принц потянулся всем телом и заложил руки за голову.

– Всю ночь работал?

Секретарь улыбнулся:

– Так заметно?

– Глаза выдают. Ты редко так выматываешься. Сегодня никаких важных дел не намечено?

Вместо ответа из папки появился еще один листок:

– Ваше расписание.

– Так... благотворительный концерт... ужин с послом... Ну, с этим я и без тебя справлюсь. Иди домой, отдохни...

– Но ваше высо...

– Считай это особым поручением. Иди, иди скорее.

Едва дверь за секретарем закрылась, принц кинулся к шкафу. Сменил костюм на джинсы и толстовку, накинул куртку с капюшоном. До концерта оставалось около трех часов. Вполне достаточно.

– Как это – ушла? Куда?

– Не знаю, она не докладывала, – медсестра приемного отделения никак не могла объяснить посетителю, что его родственница отказалась от лечения.

– Но хоть диагноз узнать можно?

– Это не в моей компетенции. Тем более, – она пролистала журнал, – мы все уже передали опекуну госпожи Хань.

– Опекуну? Какому?

– Лейтенанту Высшей Королевской Военной Академии Нэю Байю.

– Благодарю, – принц чуть растянул слова, чтобы скрыть недоумение. А выйдя из больницы, дал волю ярости: – От лечения она отказалась! Ну, Делька...

Телефон отозвался длинными гудками. Принц считал:

– Один, два... три... Делька, возьми трубку! Не возмешь, я приеду в Академию и гори оно все синим пламенем!

Она взяла на восьмом.

– Да?

– Уф. Ты спала, что ли?

– Ну да. В кои-то веки спать можно от пуза, а тут звонят, будят...

– Ты что вчера учудила?

– Ты о чем? – судя по бодрому голосу, упоминание об аварии прогнало остатки сна.

– О больнице. Зачем сбежала?

– А ты бы не сбежал? Лейтенант...

– Ты своим лейтенантом мне все уши уже прожужжала. Еще раз пожалуешься, и я приму меры! Отправится твой обидчик на границу рядовым. За что разжаловать – найду. Сама как?

– Говорят, сотрясение.

– Что? Ты где сейчас? Я приеду!

– Не смей! – заистерила Кара. – Тебя тут каждая собака знает! Сорвешь мне операцию...

– Да плевал я на твои тайны! У тебя травма, и ты не в больнице!

– Не паникуй. В лазарете я. Обмотана капельницами, как киборг проводами. Еле уговорила врача оставить меня здесь. Но он ругается, сказал, малейшее подозрение на ухудшение, и поеду в госпиталь, как миленькая. Братик! Миленький! Мне нельзя в госпиталь!

– Поговори мне еще! – прикрикнул принц. – Значит так. Я на телефоне. Но, не приведи судьба, узнаю, что ты от меня что-то скрала...

– Не-не-не! – затараторила принцесса. – Ничего не скрываю. И не буду. Ну, брааатик! Ну, пожалуйста.

– Доиграешься. Деля, если что – сразу звони. Нам твое геройство не нужно, нам ты нужна. Живая и здоровая.

– Да, да, да. Договорились! Ой, лейтенант идет! Я потом позвоню.

Соединение прервалось. Принц улыбнулся, глядя на темный экран. И заторопился во дворец.

Кара отложила телефон. Говорить с братом не хотелось, вот и соврала.

– И вправду, пришел бы! Хоть какое развлечение!

Но вместо лейтенанта явилась медсестра. Проверила капельницы, подала таблетки и проследила, чтобы больная проглотила их все.

– Обед скоро? – поинтересовалась Кара.

– Скоро. Голодной не останешься, прямо в палату принесут.

Кара вздохнула:

– Как в одиночной камере здесь.

– Ну а что ты хотела? Постельный режим... А не надо было головой биться.

– Что верно, то верно... Ой, Лу!

– Привет, подружка! Отдыхаешь? – вместе с Лу в палату ворвался запах улицы и пороха.

– С ума схожу. Ты со стрельб, что ли?

– Ага, этот... изверг, – подобрала она слово, – такое нам устроил. Ну да ладно, он всегда на гадости щедр. Ты как? Голова не кружится?

– Кружится. И спать хочется. Скучно. Лу, ты бы хоть книжку какую принесла, мой планшет отняли, а с телефона неудобно читать, глаза устают.

– Принесу. Только... до увольнительной подождешь? А то в местной библиотеке только устав найти можно.

– Ну, в увольнительную уже вместе пойдем. Думаешь, я тут надолго застряну?

– Это в какую увольнительную ты собралась?

Лу пискнула и вытянулась, отдавая честь.

– Вольно. Курсант-рядовой Роис, свободен!

Кинув полный сочувствия взгляд на подругу, Лу испарилась. Кара осталась один на один со своим кошмаром.

– Итак, куда это ты собралась? Судя по заключению врачей, к занятиям ты сможешь приступить не раньше, чем через полтора месяца.

– Никак нет. Я планирую встать в строй по истечении недели, господин лейтенант.

Нэй поморщился. Кара с трудом сдержала улыбку – вывести командира на проявление эмоций...

– Вы увидели что-то смешное? – резкий переход к официальной речи не сулил ничего хорошего.

– Никак нет!

– Скажи, Кара, – девушка напряглась еще больше. По имени к подчиненным лейтенант обращался очень редко, – это на самом деле была собака?

– Ребенок, господин лейтенант. Тормозить на трассе ради собаки... чревато.

– Кто был за рулем?

– Брат, – не стала врать Кара.

– Брат? – брови Нэя поползли вверх. – Но в личном деле указано, что ты – единственный ребенок.

Кара прикусила язык. Она совсем забыла об этой «мелочи»! Но тут же нашлась:

– Названный брат. Мы росли вместе, – и уставилась на командира, ожидая, поверит или нет. На всякий случай завела руку за спину и скрестила пальцы – на удачу.

Лицо лейтенанта осталось бесстрастным. Но вот взгляд... взгляд изменился. Теперь он смотрел на неё, как на насекомое. Вроде и надо прихлопнуть, да вреда не приносит... пусть ползает. И снова заговорил официально:

– Впредь потрудитесь называть вещи своими именами, курсант-рядовой. Желаю скорее поправиться и вернуться в Академию. Если пропустите слишком много, вас отчислят.

– Так точно! – согласилась Кара. Отвечать не по уставу желания не возникло. Во-первых, за год выработалась привычка, а во-вторых... Во вторых её не покидало чувство, что она и без того сказала много лишнего.

– Да, чуть не забыл! – лейтенант уже открыл дверь, но вернулся. На одеяло легла книга. – Надеюсь, она поможет.

Кара не верила глазам. Смотрела то на книгу, то на командира. Все, что смогла сделать, выдавила:

– С...спасибо.

И получила в ответ:

– В госпиталях, особенно таких, скучно. А это не способствует выздоровлению. Ваша же задача, как курсанта и солдата, как можно скорее вернуться в строй. Все это – он обвел рукой палату, указав на капельницы и бинты, – деньги налогоплательщиков. Мы не имеем права тратить их впустую.

– Пф, – пробормотала Кара ему в спину. – Как будто Академия не содержится на личные средства королевской семьи!

Санитарка принесла обед, но девушка все не могла успокоиться:

– Это он меня, меня! деньгами попрекает. Да я на армию потратила больше, чем он за всю свою жизнь заработает! Умник нашелся.

Но постепенно возмущение утихало. Когда дело дошло до компота, мысли Кары потекли в другом направлении:

– Нельзя волноваться. И ругаться нельзя. Тем более, за глаза. И на стране отразится, и поправиться не поможет. Раз, два, три...

Она считала медленно, совмещая дыхательную гимнастику с медитацией. Голова тут же взбунтовалась: окружающие предметы затеяли хоровод.

Кара терпеливо переждала приступ. Но и после не решилась подняться. Взгляд упал на книгу.

– Интересно, что он притащил? Не очередной устав?

С обложки улыбалась девушка в платье с открытой спиной. На заднем плане скрестили мечи два кавалера. У одного из-под плаща выглядывал хвост, другой имел острые уши.

– Он такое читает? – Кара повертела книгу в руках, вчиталась в аннотацию. – Да ладно? Свежие, не измятые листы пахли типографией.

– Специально, что ли, купил для меня? Приятно, но... он это серьезно?

– Сама с собой разговариваешь? – в палату вошел врач. – Не очень хороший признак! Голова не болит?

– Кружится, – доложила Кара.

– Так она и будет кружиться. А это что у нас? Книга? Знаешь, тебе бы лучше сейчас воздержаться, хотя... хотя такое чтиво в самый раз будет, мозги не загрузит, они отдохнут... Но все же соблюдай меру!

Врач осмотрел раны, заглянул в оба глаза, подсвечивая себе фонариком, проверил рефлексы.

– Ну, что могу сказать, не все так плохо. С месяцок полежишь...

– Месяц? – Кара ухватилась за матрас, чтобы не упасть, – от резкого движения её повело в сторону.

– Тише, тише! Это в лучшем случае. Так что наберись терпения. Читай вот. Отдыхай.

Кара недоуменно переводила взгляд с полуголой девицы на обложке на закрывшуюся дверь.

– Они что, сговорились?

У Лу на этот счет было другое мнение:

– Вот очень ты... неприятная! Тут стараешься, изучаешь их, себя в тонусе держишь... и хоть бы цветочек подарили! А тут книжка! Её «по пути» не купишь, специально в магазин идти надо. И ведь пошел! И выбрал! И купил! Заметь, без всяких усилий с твоей стороны! Всего-то надо было в лазарете денек поваляться!

– Поменяемся? – тут же предложила Кара.

– Заманчиво, – усмехнулась Лу, – и все же – откажусь. Мордочку портить не хочется!

Кара осторожно провела по щеке кончиками пальцев:

– Они клянутся, что шрама не будет.

– Ну конечно, не будет! – кинулась утешать подругу Лу. – Просто кожу немного содрала. В крайнем случае, соберем тебе денег на пластику!

– Ну, спасибо!

– Да пожалуйста. Ой, – спохватилась Лу, – мне пора! Пока, подруга! – она поцеловала ладонь и помахала, прежде чем скрыться за дверью.

Кара доковыляла до окна. В открытые окна вырвался воздух, пахло землей и зеленью. Издалека доносились голоса – за решеткой лазарета кипела жизнь.

Спина слегка заныла – мышцы привыкали к пластику. Возвращаться за подушкой Кара не стала, корка на ссадинах трескалась при малейшем движении. Да и тело ломило, хотя уже прошло несколько дней.

Книга оказалась полной ерундой, но Кара честно читала страницу за страницей – делать в палате все равно было нечего.

Её жалобы на скуку врач пропускал мимо ушей, но на десятый день сообщил:

– Послезавтра у тебя консультация у невропатолога.

Так Кара не волновалась и перед вступительным экзаменом! От вердикта врача зависело очень многое: одним росчерком пера её могли признать негодной к службе.

Явившийся поддержать подопечную лейтенант только накалил обстановку.

– Врач сказал, что у тебя дополнительные обследования. Надеюсь, все будет в порядке.

– Я тоже... – Кара отложила книгу и подалась навстречу гостю: скука сводила с ума, а тут хоть какое разнообразие.

– Тебе понравилось?

– Да, – с раннего детства Каре вкладывали в голову понятия о тактичности. – Довольно... любопытно.

Что еще сказать, она не знала. А лейтенант молча ждал продолжения.

Неловкость замаял телефон. Затренькал, завибрировал на тумбочке. На зеленом фоне высветилась надпись: «Братик».

Нэй успел прочитать, Кара видела, как расслабились напряженные губы. И прошептала в трубку:

– Привет. Я занята, потом перезвоню!

Лейтенант уже неприкрыто улыбался, но заметив взгляд Кары, снова посерьезнел:

– Если все хорошо, я пойду. Отдыхай.

– И чего приходил? – спросила Кара у закрывшейся двери. И набрала номер.

– Это я. Докладываю: температура по палате нормальная, комнатная!

Брат звонил каждый день. Уговаривал пройти обследование в хорошей клинике:

– Я все устрою, никто и не узнает, что это ты. Ну, Делька?

– Кара! Называй меня Карой! Вдруг кто услышит!

– Не сердись... Кара. Ну так что?

В этот раз она обрадовала брата новостью:

– Послезавтра к невропатологу. А потом – по ситуации. Так что пока отбой.

– Обещай, если что...

– ... то первым, кому я позвоню, будешь ты. Как родители?

– Скучают. Знала бы ты, чего мне стоило уговорить их не звонить тебе на личный телефон! Нам это аукнется!

– Ну, за этот год ничего страшного не случилось? Ни наводнений, ни засухи... Так что все хорошо. Спасибо, братик! Целую тебя.

В госпиталь Кара собиралась, как на свидание: начищенные ботинки, отглаженная форма. Заставить медсестру пронести в палату утюг оказалось нелегко, но переговоры прошли успешно: Кара пообещала добыть фото наследного принца с автографом. Понимала, что брат не обрадуется, но не являться же миру в мятном!

– Готова? – врач подхватил папку с документами: амбулаторной картой, результатами исследований, бланками анализов. – Тогда пойдем. Твои документы у командира, – пояснил сам, хотя Кара ни слова не сказала.

Вместо спецмашины у крыльца ждал легковой автомобиль. На месте водителя сидел лейтенант. Солнце рождало на лобовом стекле сотни бликов, мешая рассмотреть как следует, но Кара не сомневалась: он смотрит прямо на неё. Иначе отчего так вспотели ладони, и хочется вытянуться в струнку, как на смотре?

– Лейтенант Байю все равно в город едет, – неправильно понял её врач. – Проще с ним добраться, чем кучу бумажек заполнить. Ну, чего встала? Садись?

Неожиданно лейтенант вышел из машины и сам открыл дверцу:

– На заднем сиденье не укачивает?

– Нет, – выдавила Кара и нырнула в прохладное нутро. Врач уселся рядом с водителем.

До госпиталя ехали молча. Так же молча высадились у ворот – пропуска для въезда на территорию у лейтенанта не было.

– Голова кружится? – врач по-своему понял замешательство Кары.

– Нет, все в порядке, – она закинула на плечо рюкзак с личными вещами и вошла в ворота.

Невропатолог подошел к обследованию серьезно. Он погнал Кару на обследования. Из всех аппаратов она узнала только махину МРТ, а над остальным даже голову ломать не стала. Куда больше мудреной техники её занимал диагноз.

– Ну, что, – врач пролистал стопку заключений, – вы перенесли сотрясение мозга, предварительный диагноз подтвердился. К счастью, лечение оказалось своевременным и верным.

– Так я теперь здорова?

– Почти, – врач задумчиво покивал и еще раз взгляделся в цифры на бланках. – Вам необходим покой.

– Если я пропущу слишком много, меня отчислят! – взмолилась Кара.

– Для вас служба в армии так важна? – взгляд врача походил на рентген. – Вы готовы даже собственное здоровье поставить на кон?

– У меня нет другого выхода.

– Академия... Там тоже не звери преподают. Я напишу освобождение от физической нагрузки, рекомендации избавить от ночных дежурств. Скажем, на месяц. А потом, если не ошибаюсь, у вас начнется очередной отпуск?

– Так точно!

Кара не верила своему счастью и напряженно наблюдала, как врач что-то пишет на бланках.

– Вот, это передадите командиру. А это – врачу Академии. И вот еще... – перед Карой легла стопка рецептов, – в отпуске вам придется все это принимать. И отдыхать! Как можно больше! Если есть возможность выехать к морю...

– Есть, – улыбнулась Кара, – но позвольте вопрос: почему вы это делаете? Насколько я знаю, учащимся Академии редко делают поблажки, даже по состоянию здоровья.

– Особенно по состоянию здоровья, – поправил врач. – У вас глаза горят. Вы любите то, чем занимаетесь. Ну, а кроме того... красивая девушка наверняка украсит лейб-гвардию! Только представьте: мундир, белое с золотом! Кивер, украшенный галуном! Над козырьком – герб его величества... Вы будете великолепны!

Поверх стопки бланков лег еще один. Кара, не глядя, сунула их в рюкзак.

– Надеюсь, мы еще увидимся, – невропатолог проводил пациентку до двери. Она улыбнулась, отвечая на рукопожатие:

– Все может быть.

Своего врача Каре пришлось ждать в холле – он получал лекарства, относил начальству рапорты, отчитывался о делах в Академии.

– Ну, как у тебя дела? Что сказали? Давай карточку, погляжу. Может, какие-то вопросы возникнут, так решу, пока здесь.

Кара достала бумаги.

– Вот.

– А это что? – врач протянул ей бланк. Тот, который невропатолог отдал последним. На нем, по диагонали, от угла к углу, пролег ряд цифр – номер телефона.

– А ты пользуешься спросом!

Каре стало жарко. Она боялась взглянуть на спутника, пока прятала бумажку в самый дальний карман рюкзака – урны поблизости не наблюдалось.

– Так, это сюда... Это – туда... – врач раскладывал документы по папкам. – А знаешь, все не так плохо. И каникулы скоро. Ты голодная? Пошли, поедим. Лейтенант звонил, он еще не скоро освободится.

Торговый центр, что расположился через дорогу от госпиталя, распахнул стеклянные двери. В витринах красовались манекены. Эскалаторы сновали вверх-вниз. На экранах крутили рекламу.

– Кафе на втором этаже, – сообщил Каре спутник.

– А может, на фуд-корт? – в последнее время ей нравились такие незамысловатые забегайки с вредной, но очень вкусной едой.

– Смотри, с гастритом я тебя лечить буду. Твой поклонник на других болезнях специализируется.

Кара сделала вид, что не услышала, и шагнула на эскалатор.

У врача в сумке нашлись антибактериальные салфетки:

– Держи!

– У меня есть, – Кара продемонстрировала тюбик с антисептиком, – всегда с собой ношу.

– Здравая привычка! Ну, где заказывать будем? И никакого спиртного!

– Пицца. Кофе. И мороженое!

– Как скажешь! Какую пиццу?

– Я сама закажу, – Кара направилась к прилавку, – пожалуйста, с морепродуктами. И морской коктейль!

Врач с сомнением посмотрел на тарелки на подносе Кары, но пугать последствиями не стал. Мало того, себе заказал то же самое. Только без мороженого.

Ели молча. Кара смотрела по сторонам, наслаждаясь отдыхом. Звонки привлекали внимание посетителей, и в воздух взмывали флажки с номером заказа. Вокруг шумели дети, школьники смеялись слишком громко для общественного места, но это не напрягало.

– О чем задумалась?

– Странно. Раньше я считала, что отдохнуть можно только в тишине, когда рядом никого нет... А сейчас вокруг круговерть, а я ощущаю покой.

– Смена обстановки. Ты вернулась в давно забытое, связанное с детством. Родители же водили тебя в детские кафе? Ты резвилась на площадках, а потом ела мороженое, сидя вот так, за столиком в центре толпы. Тебе было хорошо, вот подсознание и связало настоящее – с прошлым. Это нормально.

Кара улыбнулась. Детские кафе. Да, собеседник прав – она была счастлива, когда родители выводили её «в люди». Только ни шума, ни гомона, ни прыжков на батуте это не подразумевало.

Мелодия, напоминающая набат, выдернула её из воспоминаний.

– О! – Врач взял трубку, – наш таксист звонит! Нэй! Мы в торговом центре. Как это – что делаем? Обедаем! Не присоединишься? Ну, как знаешь. Ты подъедешь, или нам выйти?

И пояснил Каре:

– Злой он что-то. Наверное, начальство выволочку устроило. Или с отцом виделся. Ну, доела? Пойдем, а то он нас сожрет и не подавится.

В это Кара поверила.

Машину лейтенанта узнала сразу – тот подогнал её к центральному входу.

– Да мы как VIP! – рассмеялся врач и открыл дверцу. – Кара, ныряй! Нэй, что-то случилось?

Всю дорогу он пытался разговорить приятеля. Но лейтенант мола смотрел на дорогу, изредка вставляя реплики голосом, способным заморозить океан.

Кара вжалась в сиденье, радуясь, что после поездки отправится в лазарет, а не в казарму: сегодня отряду не позавидуешь.

– Нэй, представляешь, Кара себе даже в госпитале поклонников найти умудряется! Ей уже врачи телефончики подсовывают!

Кара захотелось выйти, невзирая на скорость. А врач все не унимался:

– И ведь бабником его не назовешь! Всегда серьезно к отношениям... Эй, Нэй, ты чего?

Кара решила посмотреть в зеркало. И поняла, что лейтенант смотрит не на дорогу...

Стало жарко, да так, что испарина выступила. Но Кара скорее бы умерла, чем расстегнула куртку при командире. Даже кепи снять не решилась. Но мучилась она не долго: жар сменился холодом. Озноб остудил тело, проник до самых костей и заставил их заledenеть.

– Ты, Кара, только не... – врач, не заметив этот обмен взглядами, повернулся к девушке и осекся, – Эй, что с тобой! Нэй, останавливай! Живо!

Машина вильнула к обочине. Мужчины выскочили одновременно.

– Господи, да у неё губы посинели. Ты что, замерзла? Дай руку... Пульс частый. Черт, я фонендоскоп не взял! – врач рванул ворот куртки.

Пуговицы раскатились по асфальту.

– Футболка мокрая. Дура, почему сразу не сказала, что плохо?

– Что с ней?

– Похоже на стресс. Отсроченная реакция? – пробормотал себе под нос и велел: – Поворачиваем. Ей нужно лечение посерьезней.

Кара замотала головой:

– Не надо в госпиталь... в Академию...

– И чтобы тебя там шарахнуло? Нет уж...

– Я... сейчас.

Ноги не держали. Опираясь на руку врача, Кара доковыляла до машины.

– Эй! Это моя сумка!

Кара не слушала. Открутила крышку с бутылки и хлебнула.

Виски обожгло язык, живым огнем пробежало по пищеводу и запылало в желудке. Озноб мгновенно исчез, в ушах зазвенело от пустоты.

– Ты хоть знаешь, сколько оно стоит? Настоящее же! – обиженно бормотал врач.

Но возвращать бутылку Кара не собиралась.

Еще один глоток, и стало совсем хорошо. Предметы приобрели дополнительный объем, звуки – глубину...

– Дай-ка... – лейтенант одним движением выкрутил из рук бутылку и толкнул девушку в машину. – Заблудись салон – сама отмывать будешь!

Врач оказался мягче:

– Ты как? Тебе легче?

– Спать хочу! – Кара поудобнее устроилась на сиденье.

Лейтенант поинтересовался:

– Может, выключить кондиционер?

– Не нужно, духота может спровоцировать новый приступ.

Нэй хмыкнул и заглянул в машину. Кара спала, подложив под голову куртку. Во сне черты лица стали мягче, суровость исчезла, словно макияж смыли. Губы расслабились и казались чуть полнее, чем обычно. Розовые. Мягкие.

Нэй сглотнул и снял куртку. Кара тут же перестала ежиться, раскрылась. Нэй прислушался: с заднего сиденья доносилось ровное сопение. Всю дорогу он поглядывал в зеркало заднего вида, но не для того, чтобы увидеть, что происходит за машиной.

Температура держалась три дня. Кара извелась. Тело ломило, в голову словно ваты напихали. Озноб сменялся жаром, и только уколы ненадолго снимали состояние «невесомости».

– Ты просто подхватила вирус. Ну вот как умудрилась? – врач каждый раз брал термометр так, будто он мог укусить. – Летом! Я бы понял ангину, но грипп?

Кара не слушала. Заворачивалась в одеяло и проваливалась в сон – там было легче.

Карантину она радовалась – сил видеть даже Лу не осталось. Читать тоже не могла, глаза как будто ложкой из глазниц выковыривали. Но, как только температура вернулась к норме, начались другие мучения: Кара с ума сходила от безделья.

– Ну что ты мечешься? Не выпущу я тебя отсюда, пока карантин не закончится. Ты же мне всю Академию перезаразишь! Хорошо, лейтенант здоров, не успел нахвататься.

Нэй приходил каждый день. Стену в палате заменяло стекло. Жалюзи от пола до потолка давало очень слабое ощущение привата, но правила никто нарушать не собирался.

Лейтенант никогда не останавливался рядом с лазаретом. Только звук шагов замедлялся. Кара быстро научилась выделять их из множества других. И силуэт напротив окна. Нэй всегда поворачивал голову, хотя не мог увидеть, что происходит в палате.

Еще Кара скучала. По безбашенным однокурсникам, по Лу, по её безумным прожекткам. Даже по тренировкам. Но день выписки совпал с приказом: по ходатайству лейтенанта Байю курсант-рядовой Кара Хань отбывала в очередной отпуск досрочно, в связи с необходимостью дополнительного лечения.

Горничная сервировала завтрак. Её высочество Адель ас Кармина, принцесса Логская лениво наблюдала за действием, сидя на диване. Ветерок, врываясь в распахнутые окна, наполнял столовую запахом океана.

– Ваше высочество, завтрак готов.

– Опять каша? – Адель подошла к столу. Горничная тут же отодвинула стул.

– По рекомендации личного врача королевской семьи всем на завтрак подается молочная каша...

– Знаю, знаю... – Адель поковыряла ложкой в тарелке. – Новостей нет?

– Пока нет. Место для отдыха их величеств еще не выбрано.

– Так и отпуск пройдет... – девушка добавила в кашу сахар. – Что? Со мной что-то не так?

– Прежде вы не любили сладкое, – улыбнулась горничная.

– Привычки меняются. Ну что еще?

– Простите, – отвела взгляд служанка.

– Нет уж, говори!

– Ваши волосы. Такое богатство...

– В армии они только помеха, – пожала плечами Адель. – Да не переживай ты так! Отраснут! Я за год их уже три раза укорачивала!

– Ох...

– И не надо стоять над душой! Я сама в состоянии налить себе кофе или сока. И добавку положить. Иди!

Горничная сделала книксен. Адель с напряжением следила, как она уходит из столовой, слушала, как удаляются шаги... Едва они стихли, тарелка отправилась на другой конец стола. Кофе, тосты, сыр и джем – вот что стало завтраком принцессы. Проглотив горку бутербродов, она прихватила стакан сока и вышла на улицу.

Ротанг кресел покрывали подушки. Столы казались невесомыми – так сверкало стекло, из которого их отлили. Им вторили блики на поверхности бассейна.

– Ваше высочество! Ваше высочество! – горничная вернулась. Она держала телефон – розовый. Стразы, имитирующие бриллианты на нем переливались всеми цветами радуги.

– Привет, сестренка!

– Привет! – Адель отставила стакан.

– Не заскучала там? Собирайся, через час за тобой вертолет пришлют. Родители уже на месте. Ох, мало мне с ними секретов, еще с тобой...

– Я ценю твою помощь, братик. Сам знаешь, если обо мне узнают – прощай спокойная жизнь. А главное, придется помахать ручкой Академии. Я этого не переживу!

– Главное, чтобы родители эти две недели пережили. Оставишь страну без правителей!

– Ай, – отмахнулась Адель, словно брат мог её видеть, – ничего с ними не случится. Могут и потерпеть, мы почти год не виделись!

– Ну да, – хохотнули на той стороне трубки, – их ждет большой сюрприз! У их паиньки прорезались зубки!

– Эй, ты там не проболтался?

Ответа принцесса не услышала – связь прервалась.

– Прикажете собирать вещи? – поинтересовалась горничная.

– Разве они еще не собраны? – удивилась Адель.

– Да. Но может, вы захотите взять...

– Все необходимое есть в месте назначения. Остальное не важно, – Адель направилась в свою комнату.

Через час она вышла, полностью готовая к перелету. Штат прислуги выстроился у входа, провожая молодую госпожу. Она попрощалась с каждым, каждому сказала несколько теплых слов, начиная с управляющего, заканчивая садовником. Десять человек – десять улыбок.

Она обернулась к ним еще раз – когда шла к вертолету. Помахала рукой и взбежала по лесенки внутрь. Мужчина в строгом костюме поднялся следом.

Адель сидела в кресле. Она любовалась на воды океана. Далеко внизу прозрачно-голубое полотно перечерчивали белы черточки песчаных островов. Иногда виднелись темные пятна – деревья умудрились выжить и среди соленой воды. Смотреть в иллюминатор казалось приятнее, чем видеть лица телохранителей. Суровые, с полным пониманием важности доверенного дела...

С губ уже рвалось язвительное замечание, но Адель прикусила язык: мужчины работали. Телохранителям некогда зубоскалить, даже здесь, над океаном, может случиться все, что угодно. И она смотрела в окно.

Цвет воды менялся в зависимости от глубины, оттенки перетекали один в другой, плавно, текуче... Ей всегда нравилось наблюдать за этим гигантским калейдоскопом. Он успокаивал, и перелет проходил спокойно. Но не в этот раз.

Адель вглядывалась в океан, выискивала черточки дельфиновых стай, любовалась на острова – изумруды в бирюзе, но вскоре заболела шея. Принцесса повернулась, чтобы включить встроенный в спинку кресла массажер, и осеклась: телохранитель прижимал к лицу платок.

– Что случилось?

– Ничего страшного, простите... – телохранитель встал. На его место тут же уселся второй. Но не прошло и трех минут, как у него из носа потекла красная струйка.

Адель огляделась.

Стюардесса зашла в кабину пилотов со стаканом воды. Уже в третий раз за несколько минут... Адель вспомнила, что именно держала та в руках... тонометр! Этот чемоданчик ни с чем не спутаешь.

– Что происходит?

– Ничего серьезного, ваше высочество. У второго пилота поднялось давление...

– Померь его остальным, – кивнула Адель на телохранителей, – и принеси плед.

Принцесса вытянулась на диване. Руки вверх, над головой, хорошо потянуться, так, чтобы почувствовать каждую мышцу. Потом – соединить пальцы. Сделать дыхательную гимнастику. Вдох-выдох, вдох-выдох... Плед укутал теплом. Адель закрыла глаза. Не думать. Ни о чем. Просто считать...

Удерживать мысли в нужном направлении всегда было трудно, но в этот раз она справилась – до Острова добрались без приключений.

Телохранители остались у вертолета – королевская семья отдыхала даже без прислуги. Эти несколько дней отпуска его величество посвящал только семье: жене и дочери. Сын оставался во дворце – по закону, король и наследник не могли отсутствовать в столице одновременно. Исключение делалось, если дома оставался кто-то из младших детей, но Принцесса уже много лет не появлялась на родине.

– Деля! – объятия матери пахли теплом, морем и совсем чуть-чуть – ванилью. Королева предпочитала одни и те же духи уже много лет. А еще она часто сама пекла сладкие булочки, балуя детей и мужа.

– Ты изменилась, – отец поцеловал дочь в щеку.

– Да. Изменилась, – подтвердила мать. – Худая стала. И черная. Посмотри, как лицо осунулось! И обветрилось! Ты совсем перестала за собой следить!

– Ну, мам, я все же в армии! Там нет спа-салонов! – рассмеялась Адель. – Но обещаю – за время отпуска приведу себя в порядок. Вот, видишь, – она указала на саквояж, – даже все необходимое привезла!

- Ну и хорошо, – лицо королевы осветила улыбка, – пойдем в дом. Я пирожных напекла.
- С шоколадным кремом?
- С шоколадным кремом!

Адель не шла – танцевала по тропинке. Мама, папа... Она не видела их больше года, да и последнее свидание было мельком, чуть ли не в аэропорту. А теперь у них целая неделя впереди.

– Жаль, Кост не может приехать. Надеюсь, ты увидишься с ним после? Представляешь, он сейчас почти все время проводит в кабинете. Работает. Даже загар сошел. Знаешь, мне казалось, он навсегда таким останется – почти коричневым. Ты сейчас гораздо смуглее... Деля? Что? – королева осеклась, заметив взгляд дочери.

А принцесса любовалась матерью. Несмотря на возраст, её величество сохранила и живость походки, и веселый нрав. Всегда ухоженная, с тщательно уложенными волосами, так, что не выбивается ни одна прядка. И с макияжем. Даже здесь, на Острове, где кроме мужа и дочери её никто не увидит... Королева позволила себе лишь одну поблажку: носила не строгие костюмы, а легкие, не стесняющие движений платья или шорты. Тем более что фигура позволяла ей эту вольность.

- Ничего, мама. Я так тебя люблю!

Растроганная королева сделала шаг к дочери, но под ногу подвернулся камешек. Адель едва успела подхватить мать.

- Осторожнее! – к ним спешил король, – Дорогая, ты в порядке?

– Да, да.. все хорошо, – королева аккуратно наступила но ногу, покачалась с пятки на носок. – Все хорошо...

- Тогда идите вперед, я вас догоню.

Его Величество провожал жену и дочь взглядом, пока они не скрылись в доме, а потом решительно направился к вертолету.

Отдыхом наслаждались все: королевская семья радовалась одиночеству и покою, а два пилота и телохранителя делали все, чтобы не попадаться им на глаза. На Острове для этого давным-давно создали все условия.

– Нас сюда в такой тайне привезли, что случись что – и не найдут, – подшучивал король, за что жена ту же дергала его за ухо. – Айайай! Больно же! Вытянешь, и будет у вас король с ослиными ушами.

Деля радовалась, глядя на родителей. Сколько лет они вместе! И столько всего пережили – управление страной занимало все время отца, и мать терпеливо сносила его мнимое невнимание. Только здесь, на Острове, они могли побыть тем, кем были – любящей семьей.

Радость от того, что они наконец-то вместе, что отцу никуда не надо бежать, а мама счастливая, ненадолго вытеснила мысли о лейтенанте. Но иногда, ночью, Адель охватывала странная тоска. Правда, первые лучи солнца развеивали её, как утренний туман.

– Папа! – Адель заглянула в мастерскую. Отец увлекался керамикой, но только раз в году, на отдыхе, мог уделить время своему хобби. – Мама спрашивает, ты еще долго? Обедать пора!

- Да-да, я почти закончил. Деля, иди сюда, посмотри! – он протянул ей новую поделку.

Колокольчик из красной глины. По ободу извивался орнамент, знакомый до боли – таким расшивали пеленки и одеяльца младенцев, чтобы защитить от злых духов. А еще украшали вот такие колокольчики. И делали их язычки из полудрагоценных камней.

– Это хрусталь? – принцесса прикоснулась к прозрачной капельке. Она качнулась, по мастерской раздался то ли стук, то ли звон – так звучали только особые колокольчики.

– Ой! – Адель вскинула взгляд на отца. Осунувшееся лицо, словно и не отдыхал. – Зачем? Что-то случилось?

- Идем! – король увлек за собой дочь.

– Вот так, – он приладил поделку у окна. Красная нить смотрелась чуждо в бежевой девичьей спальне, но это не имело никакого значения.

– Зачем? Тебе отдыхать надо, а ты... – расстроилась Адель.

– Должен же я и о семье позаботиться. Не только стране мои силы отнимать. Вот что, Деля, давай поговорим.

Они сели на диван тут же, в спальне.

– Все так серьезно? – Адель смотрела на отца как в детстве, снизу – вверх.

Тот привлек её к себе:

– Не слишком. Но звоночки уже есть. Ты, когда сюда летела, ничего не заметила?

Адель задумалась. Потом испуганно спросила:

– Пилот?

– И охрана. А еще вчера картина рядом с тобой со стены упала. Мать постоянно спотыкается... Деля, ты знаешь, чем это грозит. Возьми себя в руки. Разберись. Иначе...

– Хорошо, папа, – хорошее настроение улетучилось. – Знаешь, я и вправду перестала следить за собой. Прости.

– Ничего, – ладонь отца ласково пригладила взъерошенные ветром волосы. – Все мы ошибаемся. Главное, вовремя понять и исправить. Ну, пойдем обедать, мать уже заждалась!

Королева сама накрывала на стол. Ей приходилось снова из кухни во двор, но семья любила обедать именно там, с видом на побережье. Адель кинулась помогать матери. Но едва отец потянулся, чтобы взять у жены тарелку, как она выскользнула из рук. Морской коктейль разлетелся по светлой плитке. Адель замерла, глядя на упавшую у ног креветку. А потом резко повернулась и выбежала на улицу. Мать кинулась следом, но отец удержал:

– Ей нужно побыть одной.

– Все так плохо? – королева обошла пятно на полу и опустила на стул.

– Не знаю. Радует, что она понимает проблему. Ну, дорогая, – его величество обнял жену за плечи, зарылся лицом в волосы на затылке, – не беспокойся так. Деля – девочка умная. Она справится.

Королева только вздохнула и отправилась за совком и тряпкой – убрать остатки неудавшегося обеда.

Адель стояла на берегу. Ветер развеивал волосы, солнце целовало щеки. Девушка зажмурилась: она забыла нанести крем. Пусть кожа и закалена, но завтра лицо опухнет, и будет больно.

Шаг вперед – два назад. Волны набегали на берег, старались коснуться ступней. Адель играла с морем, пока не запыхалась. Потом вздохнула и уселась прямо на песок: отец прав, нужно привести мысли в порядок. А для начала понять, что беспокоит.

Академия. Стоило о ней вспомнить, становилось тревожно. Словно там осталось что-то важное. Что-то, без чего нельзя.

Отбросив все догадки, Адель сосредоточилась на шуме волн. Вдох-выдох, вдох-выдох. В такт природы, в ритме океана...

Память услужливо подсказала: освобождение от занятий. Вот в чем дело! Значит, надо больше заниматься. Пляж есть, бегать по песку ничуть не легче, чем по лесу. Еще можно плавать. И отжиматься в прибое.

Волнение утихало. Вдох-выдох, вдох-выдох... Адель поднялась с песка спокойная, словно в этом мире не осталось ни забот, ни тревог.

– Разобралась? – отец отложил книгу.

Мать спала рядом, уютно устроившись в шезлонге.

– Кажется, да, – Адель подхватила бокал с безалкогольным коктейлем и осушила в несколько глотков.

– Теперь тебе придется принести мне новый, – рассмеялся отец.

– И мне прихвати, – сонно попросила мама.

Адель послала им воздушный поцелуй и убежала в дом.

– Она изменилась, – королева посмотрела вслед дочери.

– Выросла, – вздохнул король, – и стала своевольной. Надеюсь, это не выйдет за рамки.

– Она тебе не рассказывала, как служит?

– Мне? Нет. Я думал, она с тобой поделилась... – король нахмурился. – Неужели что-то скрывает? Тогда понятны все эти... мелочи.

– Не думаю, – королева поправила солнечные очки и снова улеглась, – скорее, хочет отдохнуть от армии. После всех этих хождений строем девочке хочется немного свободы. Не дави на неё.

– Возможно, ты права.

Адель хозяйничала на кухне. Нашла в холодильнике зеленый чай, выжала сок из лимона. На полке обнаружила мятный сироп...

– То, что надо!

В шейкере мягко шуршал лед, перемешивая ингредиенты. А киви бунтовал – никак не получалось нарезать ровными дольками. Адель хмыкнула и нарубила его кубиками:

– Подумаешь, будет новая подача...

И осеклась.

– Дура. Уже сама с собой разговариваешь, – пробормотала и сама себе не поверила.

Потому что разговаривала она с конкретным человеком. Почему-то присутствие мужчины ощущалось так явственно, и так гармонично. Казалось, лейтенант сидит здесь же, улыбается и так же, как принцесса, наслаждается отдыхом.

– Ой, мамочки... – Адель выхватила из вазочки горсть льда и поднесла к лицу. Вода потекла по шее, намочили блузку. Адель не замечала – стояла так, пока пальцы не занемели.

– Деля, ну что ты? Мы с матерью заждались. – На пороге стоял отец.

– Да, уже все готово! – принцесса быстро разлила коктейль по бокалам. – Вот!

Король перехватил у неё поднос. У него получилось донести его до бассейна без приключений.

– Что-то случилось? Ты улыбаешься, – королева взяла бокал.

– А? – встрепенулся король. – Нет, ничего. Просто... наша дочь на самом деле выросла. И, кажется, с ней происходит что-то очень хорошее.

Королева нахмурилась:

– Что ты имеешь в виду? Ой, неужели... Наверное, надо с ней поговорить?

– Не стоит. Если все серьезно, сама расскажет. А нет – нам и знать не надо. Она уже взрослая девочка, сама решит, как ей лучше.

– И все же...

– Дорогая, она нас когда-нибудь подводила? – поинтересовался король и с разбегу прыгнул в бассейн. Королева взвизгнула – брызги долетели и до неё, намочив одежду.

– Ну, держись! – и она нырнула за мужем.

Адель улыбалась, глядя, как резвятся родители. Она видела их такими только на отдыхе – несколько дней в году. И не стала мешать. Поднялась к себе в комнату.

– Ну, и что думаешь делать?

Отражение в зеркале не ответило.

– Родителям не до меня... И это правильно, и так редко удастся побыть наедине... Так что придется с тобой советоваться. Скажи, с чего мне этот лейтенант померещился? Или я по его придирам соскучилась?

Адель наклонилась к самому зеркалу. Глаза в глаза, так, что видны прожилки в трепещущем зрачке.

Звон прервал беседу. Девушка развернулась, в руке сверкнула шпилька – за неимением другого оружия, сгодилась бы и она.

Но в дом никто не ломился. Просто ветер чуть сильнее качнул колокольчик, и он ударился о фрамугу. Адель аккуратно собрала куски отцовского подарка, стараясь не порезаться об осколки стекла. И повернулась к зеркалу. Голос подрагивал от ужаса, когда она спросила у своего отражения:

– И что теперь будет?

Отражение промолчало. Вместо него заговорил телефон. Адель схватила трубку: звонил брат.

– Привет, малышка. Как вы там? Родители здоровы?

– Родители отлично, вон, плещутся в бассейне, как дети малые, – Адель поднесла трубку к окну, чтобы брат сам услышал.

– Ну, а у тебя все хорошо? Голосок грустный.

Скрыть от брата у Адель никогда ничего не получалось.

– А у меня все ужасно, – выдала она.

– Так, – было слышно, как брат отдает кому-то распоряжение не мешать, – рассказывай.

– Я превратилась в сплошную катастрофу! Когда летела до острова, у пилота давление поднялось. И у охранников.

– Дальше, – потребовал брат. От игривого тона и следа не осталось.

– Вокруг меня все ломается. Посуда бьется. Мама спотыкается. Отец еще держится, но...

– Не знаешь, что делать?

– Делаю! У меня день с медитации начинается. Ею же и заканчивается. От дум уже голова болит.

– А что папа?

– Папа подарил мне колокольчик. Только... он только что разбился.

– Что?

– Ты только не паникуй...

– Какой к черту... – голос на том конце трубки срывался. – Так. Ты сама спокойствие сохраняй. Папе сказала?

– Не успела. Да и прерывать их не хотела. Ой, подожди, там что-то происходит... – с улицы долетели странные звуки.

Адель подошла к окну.

– Кост, ты только не волнуйся...

– Что? – голос принца охрип. – Деля, не пугай...

– Кост, кажется, маму взяли в заложники.

Секундное замешательство и – четкий приказ:

– Опиши, что видишь.

– Мужчина... Кост, это один из телохранителей. Он целится в маму и что-то говорит папе, я не слышу, что именно... Так, братик, пожелай мне удачи. И пришли поскорее помощь.

– Деля! Деля, ты что задумала? Де...

Принцесса прервала звонок. Угрожающий её матери мужчина поднял голову и посмотрел на окна. Адель он видеть не мог – занавеска скрывала происходящее в комнате. Но предатель знал: в доме, кроме королевской четы, находится их дочь.

– Эй! Проверь комнаты!

Это Адель хорошо расслышала. И начала действовать.

Шпилька в палец толщиной. Принцесса давно ею не пользовалась, но и не убирала с туалетного столика, ей нравились орнамент и подвески. Сейчас же важным оказался материал

украшения – сталь. Когда-то набор подарили в мастерской, производящей холодное оружие. Деля усмехнулась: украшения и мечи. Лучше бы нож для бумаг подарили.

На ногах – сандалии без каблучков. Одежда не стесняет движений. А главное – огромное преимущество перед нападавшими: знание. Адель, сколько себя помнила, все каникулы проводила здесь, на Острове. Она знала этот дом едва ли не лучше Дворца, а в окрестностях они с братом играли в прятки. Вряд ли предатели знают местность так же хорошо.

Времени на составление плана не оставалось – на первом этаже уже слышались шаги. Адель метнулась в соседнюю комнату. Там окна выходили на другую сторону дома. Слезть по решетке для цветов было делом минуты. Эти же выюны сослужили еще одну службу: укрыли от врага. Сквозь просвет между листьями Адель хорошо видела, как бывший охранник высунулся в окно, проверяя окрестности. Он был спокоен. Король в их руках, а принцесса... да что она сделает?

Губы Адель чуть тронула улыбка. Неуместная, но сдержать радость она не смогла: нападающие не знали, что она курсант Высшей Королевской Военной Академии. А это уже преимущество. Небольшое, поскольку телохранители сами её заканчивали, но все же... Еще бы оружие достать...

Взгляд Адель переместился на постройки вдали от основного дома. Нужно добраться туда, а потом... Принцесса прислушалась: мужские голоса доносились с противоположной стороны дома.

– Скорее!

Адель петляла, как заяц, удирающий от лисы. От куста к кусту, от стола к стулу. Но между ней и постройками раскинулась лужайка. Поливная система еще не отключилась, и веера водяных струй переплетались, образуя сеть. Кое-где в ней запуталась радуга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.